

Трилогия

Сандра Паретти

Пурпур и бриллиант

1971

Паретти С.

Пурпур и бриллиант / С. Паретти — 1971 — (Трилогия)

Могла ли знать юная парижская ветреница Каролина, что готовит ей судьба? Ей, никогда не покидавшей Франции, предстоят долгие месяцы скитаний по пустыне. Ей, богатой герцогине, приходится терпеть нужду и бродяжничать. Она едва не становится рабыней, скрывается в мечети, где рождается ее дочь. В конце романа Сандры Паретти перед нами предстает уже не легкомысленная красотка, а мудрая, сильная и прекрасная женщина, которая сумела выдержать все испытания. Она возвращается домой, во Францию, чтобы обрести то, что казалось потерянным навсегда.

Содержание

1	5
2	9
3	14
4	22
5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сандра Паретти

Пурпур и бриллиант

1

Это была одна из тех ночей в портовом квартале Лиссабона, когда двери запирались на двойные замки, а мужчины, которые еще не добрались до дома, хватались за оружие при каждом подозрительном шорохе.

С наступлением темноты заходить в порт становилось опасно, от воды шел пар, ибо жаркий июньский день 1816 года сменился холодной ночью. Над Тежо-Бай поднималась туманная дымка.

Над портовой дамбой туман начинал клубиться, собираться в тучи, потом переваливал через парапет, стлался над остывающей землей. Сильный западный ветер гнал его дальше.

Туманное марево беззвучно заволакивало узкие улицы, делало почти невидимым свет фонарей, приглушало рокот бьющегося о камни моря – и превращало фигуру мужчины, стоящего на краю дамбы, в расплывчатый силуэт, то пропадающий во мгле, то возникающий вновь.

В темном длинном плаще неподвижно стоял он и вглядывался туда, где, скрытое грядой белых облаков тумана, должно было быть море. Его бледное лицо казалось измученным, светлые волосы покрылись бисеринками влаги, в глазах застыл мучительный блеск ожидания.

Каждый день, как только сумерки опускались над городом, приходил сюда герцог де Беломер и при любой погоде стоял, не сводя взгляда с моря, как будто оно наконец должно было принести ему долгожданную весточку.

Жители портового квартала, трактирщики, ремесленники, рабочие доков уже привыкли к этому зрелищу. Они давно знали, кто этот человек, знали и его историю. Они не утруждали себя особыми раздумьями по этому поводу и не сплетничали на его счет. Быть может, у них было предчувствие, что однажды они станут свидетелями и участниками продолжения этой драмы.

Два солдата портовой стражи, патрулирующие улицы, остановились, завидев на молу эту фигуру. Старший покачал головой:

– Вчера его карета полночи стояла на Ларго Калатауд.

– И все из-за женщины...

– Если она так хороша, как о ней говорят, я могу его понять.

– А если ее уже нет в живых? Он обещал награду в тысячу эскудо любому, кто принесет хоть какую-нибудь весть о ней. Мыслимо ли это? Я не знаю ни одного капитана или торгового агента, который не попытался бы прикарманить эту тысячу. К тому же не забывай: Биби Лупин и его люди работают на него уже три месяца – и тщетно... Если даже он не может ничего выловить в своих мутных источниках, я не дам ни рейса за жизнь этой женщины.

Старший стражник пожал плечами:

– Я просто сгораю от любопытства: что же это за женщина, из-за которой мужчина способен позабыть обо всех других красотках.

Они пошли дальше.

– Я знаю одного матроса из Лагоса, Мигеля. – Молодой охранник зачем-то понизил голос, хотя их никто не мог услышать. – Он видел ее тогда, еще до того, как люди дона Санти захватили судно, на котором она находилась, и отбуксировали его к Невольничьему берегу. Мигель сказал, что ради нее он бросился бы с мыса Сан-Висенти.

– Да, бывают такие женщины. Однако они никому не приносят счастья...

– В его карете всегда лежит наготове женский плащ из черного шелка, – продолжал младший стражник. – Я знаю это от его кучера. А в его доме на Каса Тресторес есть отдельная комната, заполненная ее вещами и чемоданами. Никому не разрешается заходить туда и до чего-либо дотрагиваться.

– Ладно, здесь все тихо. Я предлагаю пойти немного согреться у старого Пера.

Оба стражника еще раз оглянулись. Человек все стоял на дамбе, всего в нескольких шагах от них. Он шевельнулся, и его плащ сполз на землю, но, погруженный в глубокое раздумье, он даже не заметил этого.

Прошло несколько секунд, пока мужчина наконец очнулся и вспомнил, где находится. Но даже тогда он не заметил, что кто-то наблюдает за ним.

Он снова накинул плащ, стянув его на груди, и застыл, неизвестно чего ожидая и непонятно к чему прислушиваясь. Потом расправил плечи, будто пытаясь освободиться от невидимых оков, и медленно пошел от края дамбы. Постепенно он ускорял шаги, и вот уже его фигура, закутанная в черный плащ, приблизилась к Ларго Калатауд, где его ждала карета.

Стражники еще не покинули дамбу. Они слышали, как он крикнул кучеру:

– К Каса Тресторес!

Солдаты остановились, наблюдая, как карета исчезает в ночном тумане. Младший из них протяжно вздохнул, но товарищ нетерпеливо поторопил его, мечтая о теплом трактире Пера.

Каса Тресторес находился за Лиссабоном, на самом севере пригорода Белема, на высоком холме, куда не мог добраться туман. За старыми деревьями и высокой стеной из грубо отесанных гранитных плит возвышалось готическое строение с узкими зарешеченными окнами и тремя башнями – скорее замок, чем жилой дом. Гигантский свод ворот, встречающий въезжавших, казалось, уходил вглубь на всю ширину строения. В старинные крепления для факелов были вделаны стеклянные фонари. С тех пор как дом сменил хозяина, они светили день и ночь.

Высокий свод гулким эхом повторил топот копыт, когда карета подъехала к дому. Прежде чем лошади остановились, герцог де Беломер уже открыл дверцу и выскочил из экипажа. Перекинув через руку дамский плащ, герцог стал поспешно подниматься по каменным ступеням, ведущим внутрь дома.

Как только он вошел в залу, навстречу ему пахнуло теплом и неповторимым ароматом старинного жилища, казалось, впитавшимся в стены за долгие годы. Йеппес, управляющий, тридцатилетний человек с раскосыми глазами и гладкими черными волосами, выдающими его смешанное португальско-азиатское происхождение, шагнул из темноты навстречу герцогу и поклонился ему, избегая, однако, смотреть в его лицо. Он всегда считал честью для себя служить господам, не походящим на других. Однако в эти моменты, когда герцог возвращался из порта после своей ночной вахты с глазами, отрешенными и пустыми, он казался Йеппесу зловещим. Понимает ли этот человек, где он находится? Что он уже не на улице, не в ночи, что уже больше не вглядывается в безразличные волны?

Герцог остановился. Из-за прикрытой двери доносились мужские голоса. Он вопросительно взглянул на Йеппеса, и управляющий указал на дверь, из-за которой был слышен теперь громкий смех.

– Только не спрашивайте меня, кто эти люди. Я не знаю. Вижу только, что вы чересчур снисходительны к этому сброду. Сеньор Лупин ведет себя так, будто это его собственный дом.

– Есть какие-нибудь новости? – быстро спросил герцог.

– Если б даже и были, мне их сеньор Лупин не доверил бы. – Выражение его лица недвусмысленно говорило о том, что думает Йеппес о Биби Лупине и его сыщиках.

Те доклады, которые делал Биби герцогу о проводимых поисках, никогда не содержали ничего конкретного, и это могло быть хитрым тактическим ходом. Возможно, Лупин просто хотел как можно дольше доить эту жирную коровку. Или это была осторожность опытного

шпиона, поставившего сведения только тогда, когда уже не оставалось невыясненных обстоятельств и пробелов. Ни то, ни другое соображение не нравилось Йеппесу и настораживало его.

Герцог подошел к двери. Он приоткрыл ее и бросил взгляд в комнату. Биби Лупин сидел у огня, закутав ноги в меховое покрывало. Отблеск огня играл на его лисьей мордочке. Как всегда, его глаза были чуть прищурены. Вокруг стола беспечно пили и ели несколько мужчин разбойничьего вида. Герцог отступил назад.

Йеппес не мог больше сдерживаться. Он должен был выговориться:

– Уже три месяца вы кормите этих людей и оплачиваете их кутежи, а что они сделали для вас? Все эти три месяца они только рассказывают вам сказки, и ничего больше. – Йеппес видел, что герцог не слушает его, однако упрямо продолжал: – Вы должны послать их всех к дьяволу. С тем же успехом здесь можно расквартировать всех гадалщиц Лиссабона. Присутствие этих людей в вашем доме отнюдь не производит хорошего впечатления. Ваша репутация... – Йеппес замолчал.

Он неуверенно взглянул в лицо герцога, с которого вдруг сошло отсутствующее выражение. Его серые глаза светились насмешкой, они стали жесткими и холодными, как лезвие клинка.

Герцог, все еще закутанный в накидку, все еще с шелковым дамским плащом, переброшенным через руку, молча прошел мимо Йеппеса. Быстрыми шагами он поднялся по лестнице. Он снял этот дом, даже не взглянув на него предварительно, и жил уже в нем три месяца, не обращая ни малейшего внимания на все те вещи, что его окружали.

Не застав никого из слуг в своих апартаментах, герцог облегченно вздохнул. Закрыв дверь на задвижку, он бережно повесил женский плащ на кресло. Потом подошел к узкому окну, раздвинул занавеси и открыл его. Когда он переехал в Каса Тресторес, перед домом росли деревья, однако он велел срубить их, чтобы они не загоразивали вид на море.

Море. Отсюда, с высоты холма, его было хорошо видно. В эту ночь оно, как послушное зеркало, отражало темное небо. Огни кораблей, бросивших якорь в открытом море, сверкали ярче, чем звезды. Через час туман развеется и над портом. Уже сейчас его белые клубы уменьшались, становились прозрачными. Как фантастическая, натянутая между невидимыми столбами рыбацья сеть, висела туманная дымка над морем, слегка колыхаясь от ветра.

Господи, чего он ждет каждый вечер, отправляясь в порт? На что надеется, получая сообщения о результатах поисков от Лупина? Разве не уверен он абсолютно, что Каролина жива? Разве эта твердая вера не дает ему силы пережить время бесконечного ожидания? И кроме того, у него есть верный знак...

Герцог отошел от окна и взял со стола лампу. Он открыл обитую гобеленом дверь, за которой была винтовая лестница. Его тень металась в неверном свете лампы, неестественно изгибаясь на выступях каменных стен. Герцог остановился перед дверью, ведущей в башенную келью.

Помещение, в которое он вошел, было заставлено судовыми сундуками, ларями из кедра, кожаными чемоданами всех размеров. Здесь пахло сухими розовыми лепестками и еще чем-то, безраздельно принадлежащим женщине и впитавшим в себя ее аромат.

Герцог поставил лампу на один из сундуков. Теперь в его движениях не было ничего осмысленного, казалось, он совершал все чисто механически. Осторожно открыл он один из кожаных кофров, снял белое муаровое покрывало, скрывавшее содержимое. Потом вынул оттуда шкатулку с драгоценностями и снова потянулся к лампе. Его пальцы неуверенно ощупывали крышку, словно он не находил в себе сил, чтобы открыть ее. Или это было нетерпение, которое он пытался сдержать? А может, страх?

Наконец решившись, он приподнял крышку. На пурпурном бархате лежал бриллиант величиной с голубиное яйцо. В его блеске был золотой жар африканского солнца – и еще некое неуловимое сияние, обладающее таинственной магической силой. Герцог стоял потерянный,

ослепленный сиянием камня, подаренного ему Каролиной. Он снова слышал ее голос, ее слова, с которыми она в день их свадьбы передала ему свой подарок, этот камень:

– Посмотри, ведь он живой. И он будет жить до той поры, пока живу я.

Тогда герцог заключил ее в свои объятия, но постиг ли он истинный смысл ее слов? По настоящему он понял их только тогда, вечером в Лагосе, когда вернулся без нее в дом с красными ставнями, когда лежал без сна в постели, еще сохранявшей ее запах. На полу стояли комнатные тувельки с загнутыми носами, на спинке стула лежала небрежно брошенная шелковая сорочка. В вазе еще благоухал срезанный ею вчера букет сирени, пышной персидской сирени, чьи фиолетовые ветви издавали пряный запах ванили. Но все эти знаки ее недавнего присутствия ничем не могли помочь ему. Напротив – они лишь непрерывно повторяли, что случилась беда, они напоминали вновь и вновь: ее нет.

Ее похитили. Она далеко и находится в опасности. Ты знаешь, кто твои противники. Ты знаешь, что Санти будут защищать свою работорговую империю всеми способами. А она – она была наилучшим средством, чтобы связать тебе руки. Трагедия разыгралась на твоих глазах, ты видел все, будучи не в силах ничего предотвратить.

Теперь герцог не мог бы сказать, было это наяву или во сне. Внезапно он вдруг увидел перед собой этот камень. Словно чья-то невидимая рука потянула его к шкатулке с драгоценностями, это была странная, неведомо откуда исходившая сила. И уже потом, стоя над раскрытой шкатулкой, он внезапно осознал, что этот бриллиант – единственная связующая нить между ним и Каролиной. Драгоценный камень подскажет ему ее судьбу – в тот миг, когда не станет Каролины, он рассыплется в прах...

Бриллиант, загадочно мерцая, лежал перед ним. Герцог нежно прикасался к камню, гладил, ощущивал его. Неужели то, что сейчас его наполняет, – всего лишь сумасшедшая надежда?

Море и камень. Это были два полюса, между которыми он жил. Море, которое он ежедневно молил о какой-либо восточке – восточке от нее. Море, которое так же ежедневно заставляло его снова терять ее, – и камень, который вечером возвращал ему Каролину живой.

Герцог снова положил бриллиант на бархатную подушечку, закрыл шкатулку и поставил ее обратно в кофр. Потом взял лампу и покинул комнату в башне.

Его шаги были беззвучными. Высокий мужчина, казалось, стал невесомым, превратился в собственную тень.

2

Лучи восходящего солнца пронзали блеклую предутреннюю дымку, в которой пустыня и небо сливались в какую-то потустороннюю бесконечность. Почти горизонтально стлался яркий свет над равниной. Даже малейшие возвышения и холмы резко выступали из тьмы, отбрасывая длинные фиолетовые тени. Через пару минут караванный путь, прорезающий пески и указывающий на северо-восток, стал виден совершенно отчетливо.

Разим, караванщик, ведущий по пескам свой маленький отряд, издал какой-то хриплый, только животным понятный звук, заставивший верблюдов остановиться. Он свистнул своему верблюду, тот опустился на колени, и Разим дождался, пока два других всадника достигнут гребня холма. Вытянутой рукой он указывал куда-то в глубь пустыни. На его резко очерченном лице с выступающими скулами появилось счастливое выражение. Он любил пустыню с искренней нежностью бедуина. Любил ее безграничность, ее молчание и невозмутимость, ставшую вечным вызовом для людей, дерзнувших преодолеть ее.

– Завтра к вечеру мы будем в Тимбукту, – сказал он.

Очарованный прелестью этого утра, увенчанного голубой лазурью небес, как в первый день творения, Разим, казалось, совсем забыл, что этот отрезок пути между Абомеей, столицей Дагомеи, и Тимбукту будет для них самым опасным.

Между тем все предыдущее длинное путешествие складывалось для них удачно. Они преодолели степи, саванны и девственный лес по течению Нигера, населенные шакалами, львами и змеями. Они не потеряли ни одного из своих животных; не попали в непогоду; не подхватили лихорадку. Хотя Разим ожидал плохого с той самой минуты, когда обнаружил, что один из всадников – женщина. Белая, христианка! Разим был человеком без веры и семьи, кому домом долгими годами служила лишь пустыня, в которой он разбойничал. Однако и для него путешествие с христианкой было необычайным приключением, подобного которому он еще никогда не переживал. Всю дорогу он тщательно выбирал окольные пути, предпочитая опасности дикой природы слепой ненависти соплеменников к христианам. Он избегал встреч с людьми, чтобы оградить от беды эту белую женщину. Поначалу подобная ответственность виделась ему тяжелой, почти непосильной ношей, но по мере продвижения вперед эта тяжесть перерастала в страстную, честолюбивую гордость, в горячее стремление провести ее живой и невредимой через этот ад.

Оба черных погонщика уже расстелили свои моленные коврики и опустились на колени, обратив склоненные лица к востоку. Всадники не спешили. Они все еще были закутаны в шерстяные покрывала, защищавшие их от ночной прохлады. Один из них нетерпеливым, порывистым движением сбросил с головы прикрывавшую лицо и шею накидку. Под ней показалось женское лицо. Иссиня-черные волнистые волосы спадали на спину. Каролина внимательно огляделась вокруг.

Солнечный диск рос с каждой минутой. Тени становились все короче. У дальних холмов они еще задержались на какое-то время, превратившись в бледные, дрожащие блики, чтобы окончательно исчезнуть уже через мгновение. Наступил день с его резким, пронзительным, безжалостным светом, который продлится теперь двенадцать часов. Каролина вгляделась вдаль, туда, где на востоке уже сегодня к вечеру должны были возникнуть мечети Тимбукту. Ах, эти часы, множество часов, когда пустыня действовала на Каролину, как опиум, как напиток забвения, к которому она жадно припадала! Но в это утро она ощущала лишь нетерпение. Ее взгляд не мог оторваться от широкого караванного пути, бегущего сквозь пески, желтые, безбрежные.

Караван. Многие, многие недели преследовали они золотой караван из Абомеей, следующий в Тимбукту. Они находили его по кострищам, обедкам и верблюжьим лепешкам. По этим

следам, как по книге, читали они, сколько дневных переходов разделяет их. Слишком медленно – для того лихорадочного состояния, в котором находилась Каролина, – слишком медленно сокращалось расстояние, разделяющее их. Однако вчера вечером Разим наконец гордо сообщил, указывая на объединенный куст чертополоха, что караван обогнал их всего на двенадцать часов пути. Еще один дневной переход, и они догонят их, а Каролина сможет обнять своего ребенка. В случае же, если им все-таки не удастся присоединиться к каравану в дороге, Зинаида с ребенком должны были ожидать их прибытия в Тимбукту.

Жилиана, ее дочка. При мыслях о ней сердце Каролины забило быстрее. Нет, она не может ждать до Тимбукту! Они должны догнать караван раньше. Ее беспокойство передалось лошади. Она нервно пританцовывала, поводила головой взад-вперед. Почему караванщик не дает приказ отправляться?

Черные погонщики завершили свою молитву, свернули молельные коврики и привязали их к седлам. Стало быть, причина задержки была в Разиме. Он поднялся на гребень песчаного холма и внимательно осматривал окрестности. Каролина направила лошадь к нему, и он молча указал ей куда-то вниз. В углублении под холмом, полузасыпанный песком, лежал труп верблюда. Обрезанные подпруги, которыми наверняка крепились мешки с товаром, свисали с крупа. Каролина отвела взгляд. Никогда она еще не видела на невозмутимом лице Разима выражение такого ужаса, как сейчас. Он подал знак одному из погонщиков. Тот поспешно спустился по склону, нагнулся к мертвому животному, внимательно его разглядывая. Вернувшись, он принялся объяснять что-то Разиму на непонятном Каролине диалекте.

– В чем дело? – недовольно спросила Каролина. – Разве не остаются трупы животных по пути следования каждого каравана? Почему мы не едем дальше?

И опять Разим ответил не сразу. Сузившимися глазами он высматривал что-то в дали пустыни, словно надеясь там найти ответ на ее вопрос. Да и что бы он мог возразить? Она совершенно права. По всему караванному пути лежат засыпанные песком останки людей и животных. Но этот верблюд умер не от болезни или истощения. Он был убит пулей – а ведь никаких причин для этого не было, разве только...

Он поднял голову:

– Это верблюд золотого каравана. Он был силен и здоров, когда его застрелили.

– Означает ли это, что на золотой караван кто-то напал? – этот вопрос задал Рамон.

– Это как раз то, что меня беспокоит, – нерешительно заговорил Разим. – У подобных караванов очень сильная охрана. Никто бы не осмелился нападать на них.

«Только один человек, – думал Разим, – только один всегда нападает подобным образом – Калаф».

Но его губы не произнесли этого имени. Даже только назвав его вслух, он может навлечь на себя несчастье.

Было еще прохладно. Час или два животные еще смогут идти очень быстро.

«Может быть, самым лучшим решением было бы присоединиться к большому каравану», – подумал Разим.

Обычно золотые караваны, шедшие из Дагомеи, вооружались так, словно собирались на войну. А он, Разим, мог бы рассказать им, как лучше защититься от нападения Калафа, недаром он сам в течение трех лет промышлял с его бандой. Приняв такое решение, он стал подгонять своего верблюда.

Небо затянулось белой пеленой. Подул сильный ветер, не приносящий прохлады. Ни звука не тревожило вечное молчание пустыни – лишь мягкие шаги животных да шуршание и шепот потревоженного ветром песка. Разим все торопил верблюдов. На высоких гребнях песчаных холмов на западе сгрудились плотные облака голубовато-желтого тумана. Проводник знал, что это может означать. Он уже давно наблюдал за этими признаками надвигающейся песчаной бури. Снова и снова вглядывался он в горизонт, надеясь увидеть очертания финико-

вых пальм, указывающих на близость источника. Караван тоже должен был остановиться там. Не мог он далеко уйти. Каждую минуту белый шлейф на горизонте может развеяться, и станет виден оазис. Разим ободряюще потрепал за шею своего верблюда, а когда поднял голову, увидел, как громадная тень затягивает небо. Плотные облака оторвались от дальних холмов и огромным темным покрывалом напоздали на них. Когда облака придвинулись ближе, впереди стали явственно заметны два мощных пылевых смерча.

– Всем спешиться! Животных в круг!

Только крик Разима обратил внимание Каролины на надвигающуюся опасность. Конечно, она ощущала порывы ветра, осыпающего ее лицо острыми песчинками, однако ее мысли были далеко. Она спрыгнула с лошади. Черные погонщики пытались согнать в тесный круг упирающихся верблюдов. Солнце исчезло за тяжелыми, желто-серыми тучами. Странное, неземное сияние разлилось в воздухе, накрыло маленькую группу людей и животных. На секунду ветер затих. Чем ближе подходили облака, тем темнее становилось вокруг. Каролина почувствовала, как чьи-то руки обхватили ее и завязывают платком ее лицо. И тут же с неба обрушился на них поток песка и пыли. С яростной силой кружила буря вокруг горстки путников.

Низко сгибаясь под порывами ветра, Каролина пыталась, шатаясь и падая, продвигаться вперед. Казалось, с каждой секундой ветер менял свое направление. Он сорвал с нее плащ и растрепал платок, завязанный Рамоном Стерном. Глаза и рот забивал песок. Слепшая, растрепанная, она инстинктивно тянулась вперед, вцепившись в руку Стерна. Откуда-то, как сквозь вату, доносилось до нее испуганное ржание лошадей, крики верблюдов и отчаянный голос Разима. Сквозь пелену песка Каролина увидела, как один из верблюдов вырвался от погонщика и исчез во мгле. Буря поглотила огромное животное. Каролина еще успела разглядеть тяжелые, полные водой бурдюки, колотившие по брюху несчастное животное, сорвавшееся в бешеный галоп. Потом передние ноги верблюда провалились в песчаный сугроб – а через секунду песок укрыв его с головой, и все было кончено.

Каролина рванулась в сторону от Рамона.

– Верблюд с водой! – закричала она. – Вода!

Однако Стерн притянул ее назад и прижал к себе. Они споткнулись о вырванные с корнем кусты. Ключья травы носились в воздухе. Песок проникал сквозь одежду Каролины. Он был везде: во рту, в глазах, на шее. Она едва дышала. Голоса Разима больше не было слышно. Заглохли даже испуганные крики животных. Осталось только завывание ветра и потоки раскаленного песка, низвергающегося на нее.

Каролина съежилась и крепко зажмурила глаза. Она не знала, сколько прошло времени – минуты или часы, – когда вдруг почувствовала, что стало тихо и светло. Так же неожиданно, как налетела, буря умчалась прочь. Растерянная, Каролина застыла на месте, нерешительно оглядываясь. Всего в паре метров от нее бушевал песчаный смерч. Теперь он снова сменил направление и двигался на юг. Она стянула с лица прозрачное покрывало. Нигде и никого не было видно. Ни звука, ни следа. Разим, черные погонщики, верблюды, лошади – все как сквозь землю провалилось.

Каролина вспомнила о засыпанном песком верблюде с запасами воды. При мысли о полных бурдюках она ощутила мучительную жажду. Язык буквально присох к нёбу. Рот был полон песка. Она попробовала выплюнуть его, но резкая боль сжала спазмом горло. Каролина огляделась. Она находилась в каком-то хаотичном переплетении высохших канав и ручьев, покрытых толстым слоем песка. Земля была усыпана красными камнями, местами нагроможденными в причудливые пирамиды. Эти сооружения, выстроенные бурей, грозили с минуты на минуту рухнуть. Песок невдалеке от Каролины зашевелился, и она с радостью увидела живого и невредимого Стерна, который, встав на ноги, пытался отряхнуться от песка. Его появление дало ей повод надеяться, что уцелел кто-то еще. Внезапно Каролина подняла голову и прислушалась.

Невнятный человеческий голос, эхо чьего-то крика пронеслось по пустыне, разбившись о серозеленые утесы, которые, как остатки каменных стен, ограждали этот разрушенный песчаный город.

Стерн приложил руки ко рту и что-то крикнул в ответ. Они замерли в ожидании. Наконец откуда-то со стороны обломков скал послышался знакомый голос, а минутой позже среди утесов мелькнул голубой плащ Разима. Он был один и вел за собой за поводья двух лошадей. Лошади боязливо подрагивали. Казалось, Каролина только теперь осознала, что, собственно, произошло. Она опустила глаза и увидела толстый слой песка на своих сапогах, потом встряхнула плечами, и песок ручьем потек с ее одежды. Он был везде, она чувствовала, его на своем теле – миллионы острых иголок, пронзавших ее зудящей болью.

Разим медленно подошел. Его лицо тоже было покрыто слоем песка, лишь приоткрытый, тяжело дышащий рот да глубоко посаженные глаза были свободны от него. Без единого слова он передал Стерну повод одной из лошадей и вытащил из складок одежды во много раз сложенную бумагу. Это была старая, захватанная, с истрепавшимися краями карта. Разим осторожно расправил ее и разложил на песке. Потом встал на колени и склонился над ней.

– Где мы сейчас? – спросила Каролина. – Далеко отклонились от дороги?

Разим все еще стоял на коленях, зажав в одной руке компас. Время от времени он поднимал голову и внимательно разглядывал окрестности. Вдалеке стали видны крошечные фигурки погонщиков с верблюдами. Разим снова сложил карту и поднялся.

– Буря далеко отбросила нас от караванного пути, – он твердо смотрел на Каролину и Стерна. – И у нас нет больше ни капли воды.

– Значит, мы потеряли верблюда со всеми своими запасами? – спросила Каролина.

Разим кивнул:

– Его занесло песком.

Он повернулся, снова внимательно вглядываясь в окружающую местность.

Она явно не была ему чужой. Это было одно из тех укромных мест, которые Калаф использовал как убежище для своей банды. Отсюда, если верить карте, меньше часа пути до источника с хорошей водой. Это был один из тайных источников, о котором и понятия не имели караванщики. Источник принадлежал Калафу, и было чистейшим безумием отправляться туда, да еще с этими чужаками. Беспокойство снедало его. Сначала этот верблюд, убитый людьми Калафа. Потом песчаная буря. Потеря запасов воды. Неужели счастье отвернулось от них?

– Здесь есть вода, – сказал он, – всего в часе отсюда. Однако попытаться отыскать ее очень опасно.

– Опасней, чем умереть от жажды? Разим взглянул на Каролину.

Ее лицо было в тени белой накидки. В тонко очерченных темных бровях застряли песчинки, они сверкали там, крошечные осколки слюды. За все десять недель пути от Дагомеи эта женщина ни разу не проявила ни малейшего признака слабости. Даже теперь она не кажется измученной.

Разим согласно кивнул:

– Вы правы. Однако мы должны быть крайне осторожны. Владелец наверняка охраняет свой источник. Вооружайтесь! – Опять он не рискнул упомянуть имя Калафа.

Подошли погонщики с верблюдами. Грубая, свалывшаяся шерсть животных была забита песком. Разим отстегнул сумки с багажом, открыл их и достал патроны. Потом разделил их между двумя погонщиками, которые тут же засунули их в пояса. Из кожаного мешка вытащил четыре ружья, проверил их, два отдал погонщикам, а два оставил себе.

Каролина уже сидела в седле. Она почувствовала на себе взгляд Рамона Стерна. Его глаза всегда были рядом, их теплота поддерживала ее, доказывая, что она не одинока, что между

ней и смертельной опасностью всегда кто-то стоит. Она проследила, как он тоже достал из седельной сумки пистолет и зарядил магазин. Гортанным криком Разим поднял верблюдов.

Вади Эльрек казался широкой, мирной дорогой между двумя отвесными откосами. Земля была покрыта тонкой коркой глины, принесенной сюда наводнением. Однако соль и грязь настолько разъели этот слой, что верблюды легко пробивали его и уходили в песок по колени. Через четыре мили Вади, усыпанный теперь острой галькой, превратился в истинную пытку для животных. Они вздрагивали и сжимались при каждом шаге. Погонщики вынуждены были надеть сандалии, чтобы не поранить ноги. Разим намеренно выбрал такую неудобную для верблюдов и погонщиков дорогу, потому что люди Калафа пользовались ею исключительно редко. Он сдержал ход своего верблюда, когда увидел за иссиня-черными валунами едва заметный котлован. Осторожно, напряженно вглядываясь, Разим прокладывал себе дорогу через низкий колючий кустарник. Он не заметил никаких следов, однако это еще ни о чем не говорило. Его взгляд пристально обыскивал поросшие тамариском склоны котлована, боясь обнаружить белые бурнусы людей Калафа, но девственное спокойствие кустарника, сливающегося со светлым песком, не было нигде и никем потревожено.

Разим остановил своего верблюда. Его зоркие глаза нашли в середине тесной расщелины тщательно замаскированный источник. Заставив верблюда опуститься на колени, он сошел на землю. Похолодевшими от волнения руками Разим стал разгребать слой песка, пока не увидел доски, прикрывавшие обложенный камнем колодец.

Каролина натянула поводья. Она смотрела, как Разим приподнял крышку и заглянул в колодец. Ей показалось, что воздух вдруг стал прохладней.

Стерн протянул кружку, наполненную водой из колодца, и она жадно припала к ней. Вода была холодной и чуть солоноватой. Еще пару минут назад она умирала от жажды. Теперь ей приходилось делать над собой усилие, чтобы пить дальше. У нее холодок пробежал по коже. Что случилось, почему она вдруг замерзла? Разве солнце перестало нещадно палить над пустыней? Она услышала нетерпеливый голос Разима. Он единственный не потратил даже минуты, чтобы напиться. Вместо этого он наполнил водой бурдюки и приторочил их к седлам. Он беспрерывно торопил погонщиков, будто до смерти боялся этого места.

Каролина почувствовала, как мелко задрожала под ней лошадь. Она ласково потрепала ее гриву, стараясь успокоить чуткое животное. Внезапно послышался какой-то шелест, шорох сыплющегося песка. Каролина повернулась в седле. Высокий склон расщелины уже начинал отбрасывать тень. Заходящее солнце заставило воздух заискриться миллионами золотых блисков. Всадник, которого вдруг заметила Каролина на краю расщелины, будто вынырнул из-за золотого занавеса. Он был весь в белом: тюрбан, бурнус, сапоги. Белый призрак на белом коне. В его руке что-то блеснуло. Выстрел разорвал тишину. Песок под копытами ее лошади фонтанчиком взметнулся вверх. Каролина едва удержала взвившуюся на дыбы кобылу. Наконец она крепко натянула поводья и развернулась – чтобы увидеть за своей спиной двух других всадников. Они спустились абсолютно беззвучно – тоже все в белом и на белых конях. В руках они держали ружья. И их дула были направлены на нее.

3

Каролина судорожно натянула повод, привстала на стременах. Как ни была она захвачена врасплох внезапным нападением, ни испуга, ни растерянности не было в ее глазах, смотревших на приближающихся всадников. Больше она не позволит взять себя в плен. Не спуская глаз с мужчин в белом, она потянулась за оружием. Ее пальцы уже нащупывали курок, как вдруг чья-то рука легла на них. Это был Стерн, подъехавший к ней вплотную.

– Спрячьте оружие, – прошептал он. – В открытом бою нам не выстоять. Я попробую поговорить с ними.

Стерн поскакал навстречу бедуинам, приподняв руки, чтобы показать, что он безоружен. Она услышала, как он приветствует их словами, которые произносят при встрече свободные бедуины пустыни. Потом Стерн не спеша достал что-то из-за пояса. Это был прямоугольный кусок зеленого шелка, на котором золотой нитью были вышиты арабские письмена. Он почтительно протянул его всадникам.

Каролина наблюдала за тем, какое изумление появилось на обычно непроницаемых лицах бедуинов при виде этого куска материи. Они опустили оружие. Их лица, секунду назад еще горевшие воинственностью в ожидании схватки, понемногу светлели и оттаивали, не потеряв, впрочем, недоверчивого выражения. Казалось, они охотнее встретились бы здесь с откровенными врагами, чем с этим чужаком, представившимся им другом.

– Куда вы направляетесь? – спросил наконец старший, желтокожий мужчина с черной бородой.

– В Тимбукту, – ответил Стерн. – Мы попали в песчаную бурю и сбились с пути. И к тому же потеряли верблюда со всеми запасами воды.

– И совершенно случайно наткнулись на этот источник! – Бедуин окинул недоверчивым взглядом группу людей.

Его глаза хищно сузились, когда он увидел Разима. Казалось, он потерял контроль над собой, потому что схватился за ружье и направил его на их проводника. Но потом одумался и скомандовал что-то двум своим спутникам. Разим словно окаменел. Он даже не попытался сопротивляться, когда бедуины окружили его, отобрали у него оружие, обыскали...

– Привяжите его к верблюду, – крикнул человек с бородой, – да как следует! Мы поскачем очень быстро – как бы нам не потерять тебя! Ты ведь горишь от нетерпения, желая встретиться с Калафом, правда?

Мстительная улыбка все еще играла на устах бедуина, когда он повернулся к Стерну.

– Хотя у вас с собой знак алжирского дея, – сказал он, – я должен попросить вас следовать за нами.

Каролина поняла лишь одно: они должны скакать с этими всадниками. Но почему? Кто дал им право распоряжаться? Кто они, эти люди, чье появление подавило в зародыше всякую попытку к сопротивлению? Со связанными за спиной руками сидел Разим на своем верблюде. Как могло случиться, что этот бесстрашный человек так покорно предается в руки судьбе, словно его парализовал один только вид этих бедуинов? Черные погонщики, все еще вооруженные, молча стояли рядом. Охотнее всего Каролина сейчас приказала бы им стрелять. В ней все клокотало. Это какое-то безумие, их ведь больше, а бедуинов всего трое! Почему они подчиняются их воле? Еще не поздно, они еще могут вырваться! Она взглянула на Стерна. Тот сидел в седле, опустив голову и поглаживая шею своего коня. Каролина не понимала его. Что это, дурная шутка?

По приказу старшего бедуина чернокожие погонщики сняли с себя оружие и взобрались вдвоем на одного верблюда. Бедуины сложили их ружья в кожаную сумку и приторочили ее к седлу коня. Каждый вел за собой одного верблюда. Веревки туго натянулись, когда беду-

ины пришпорили своих коней и с громкими криками стали подниматься по склону котлована. Каролина, все еще надеявшаяся на внезапную перемену событий, вдруг увидела перед собой бородатого бедуина. Он схватил за повод ее лошадь, и та подчинилась его воле. И как несколько часов назад песчаная буря, так и теперь властная человеческая рука увлекала ее за собой, помимо и вопреки ее желанию.

Они скакали по пустыне в облаке вздыбленного копытами их коней песка, окрашенного закатом в розовый цвет. Казалось, лошади едва касались земли. Топот копыт слился в какую-то мистическую мелодию, словно ритм подземного барабана подгонял их вперед – все быстрее, быстрее...

Кони шли в пене, их шкуры лоснились от пота. Бедуин, скакавший между Каролиной и Стерном, не оставлял их ни на миг. Как мужчина, оценивающий людей по их умению держаться в седле, он вынужден был признаться себе, что за время бешеной скачки его недоверие к чужакам переросло в симпатию. Кем бы они ни были, наездниками они были отменными; по праву владели они отличительным знаком Дикого Омара, дея Алжира.

Солнце зашло. Спустился вечер, окрасив все в красные тона: развевающиеся белые плащи бедуинов, блестящую шерсть их белых скакунов и даже белые шатры, внезапно возникшие в тени небольшой пальмовой рощи. Все тем же бешеным галопом устремились туда бедуины. Мужчины осадил коней на свободной площадке перед шатрами. На секунду все пропало в облаке пыли, были слышны лишь возбужденные гортанные голоса. Как только пыль осела, Каролина увидела толпу мужчин, окруживших Разима.

Бедуины сняли его с верблюда и потащили по земле за веревку, которой он был обвязан. Он сумел подняться на ноги, однако вел себя все так же отрешенно, словно в полусне. Толкая его перед собой, бедуины повели Разима к самому большому шатру.

– Чем провинился Разим? – спросила Каролина.

– Он воспользовался колодцем, принадлежащим Калафу.

Каролина непонимающе уставилась на Стерна:

– Источники в пустыне принадлежат всем.

– Но пустыня принадлежит Калафу.

– Он шейх?

– Нет – разбойник. Разбойник, основавший собственное королевство, когда увидел, что все другие владения уже захвачены и распределены. Они величают его владыкой пустыни.

– Это был знак Калафа – то, что вы показали бедуинам? – спросила она. – Откуда это у вас?

– Это знак дея Алжира, которого они называют Диким Омаром – повелителем моря. Калаф – его сын.

Но Каролина уже не слышала его. Что будет с ними дальше? Как долго эта метка сможет защищать их? Чего они ждут? Почему не воспользуются подходящим случаем? Они ведь еще сидят в седлах, а их сопровождающие уже спешили. Никто не обращает на них внимания, никто и не заметит их бегства – по крайней мере, пока они не окажутся на расстоянии выстрела. Каролина напряглась, зорко оглядывая все вокруг.

Стерн без слов понял, что с ней происходит. Он и сам на протяжении всей скачки не думал ни о чем ином. Но именно сейчас это было бы безумием.

– Потерпите! Мы должны дождаться ночи, – прошептал он ей.

Каролина откинула голову, как всегда, когда ей не удавалось тотчас последовать своему желанию. Ждать – это было то, чего она никогда не умела и чему, видимо, уже никогда не научится. Она ощущала близость большого каравана. Она должна найти свою девочку.

– А как же караван? – спросила она.

– Люди Калафа укажут нам дорогу к нему. – Стерн не хотел продолжать, чтобы зря не волновать Каролину; однако по ее лицу он понял, что она догадывается, в чем дело.

Кроме того, она была женщиной, способной вынести любую правду.

– До сих пор это было всего лишь подозрение, – объяснил он, – но теперь я абсолютно уверен. Разим тоже догадывался. Калаф собирается напасть на золотой караван.

– Еще этой ночью?

– Это последняя ночь перед Тимбукту, поэтому она самая подходящая. Люди в караване считают себя уже в безопасности, и нападение будет для них полной неожиданностью. – Стерн осекся. Один из разбойников подскочил к ним и знаком приказал следовать за ним.

Разима нигде не было видно, верблюдов и чернокожих погонщиков куда-то увели. Каролина и Стерн скакали за бедуином мимо пустых шатров и погасших костров, к площадке, вытопанной копытами лошадей. Там была группа всадников. Их лошади беспокойно пританцовывали, однако Каролина не сводила глаз с мужчины на белом жеребце в центре группы.

– Это он, Калаф, – прошептал Стерн.

Он мог бы этого и не говорить. Господин пустыни гордо восседал в седле. Его пурпурный бурнус спадал на спину белого коня. На поясе блестела украшенная рубинами рукоятка кинжала. Его лицо скрывалось в тени широкого тюрбана из пурпурного кашемира. Повелительным жестом он приказал Каролине и ее спутнику приблизиться.

Он долго молча разглядывал их. Потом негромко произнес:

– Мне сказали, что у вас есть знак моего отца. Покажите мне его!

Стерн достал из-за пояса кусок зеленого шелка. Он перегнулся через лошадиную гриву и протянул шелк Калафу. Калаф взял платок в руку, почтительно прижал его ко лбу, потом поднес к губам.

Одно мгновение Стерн раздумывал, не открыться ли ему. Но какой был бы в этом смысл, если он еще в течение ближайшего часа собирался нарушить право гостеприимства, которым одарил его Калаф, и предать его?

– Друзья моего отца – мои друзья, – сказал Калаф. – Добро пожаловать, – он указал на лагерь. – Я велю выделить шатер для вас. Отдохните. Через несколько часов я пошлю за вами. Надеюсь, вы окажете мне честь и разделите со мной трапезу, – он подал знак своим людям.

Потом, держа повод одной рукой, вновь встал во главе своего отряда. Они тронулись. Тьма мгновенно поглотила человека в пурпурном бурнусе. Только развевающиеся белые плащи его людей были видны еще несколько мгновений. Бесшумно, как будто копыта лошадей были обмотаны ватой, исчез отряд во мраке ночи.

Тьма опустилась над миром, черная, непроглядная, враждебная. Каролина и Стерн молча забрались в шатер, к которому их подвел провожатый, и присели на корточки. Они слышали, как он распряг их лошадей и бросил им сено. Потом дождались, пока его шаги затихли в отдалении.

Рамон Стерн поднялся.

– Я сейчас вернусь. Ждите, – проговорил он и вышел из шатра.

Прошло несколько томительных минут, показавшихся Каролине вечностью. Он вернулся, двигаясь так бесшумно, что она заметила его, только когда Стерн стоял уже рядом, держа в руках белые плащи. Один из бурнусов он набросил на плечи Каролине, другой накиннул сам.

– Это защитит нас лучше темноты.

Он откинул полог шатра, и они вышли наружу. Огляделись, прислушались. Лагерь казался необитаемым. Все костры были потушены. Ни звука, ни огонька.

Они тихонько подошли к распряженным лошадям, привязанным за шатром. Стерн обыскал сумки, притороченные к седлам. Их оружие было на месте. Он протянул Каролине пистолет, сумку с патронами. Потом повернулся, собираясь уйти.

– А лошади? – спросила Каролина. Стерн покачал головой:

– Они слишком устали. Я знаю, где нам найти более быстрых скакунов.

Он торопливо пошел мимо пустых шатров к тому месту, где, огороженные частоколом, стояли лошади. Они жались к ограде, фыркали, задирали головы. На стойке висели седла и упряжь.

Стерн вывел из-за загородки двух коней и оседлал их – все это он проделал почти бесшумно. Потом он протянул Каролине повод, разорвал принесенную с собой мешковину, нагнулся и обернул ею копыта коней. Когда он выпрямился, глаза его блеснули.

Было слишком темно, чтобы разглядеть следы отряда Калафа, но лошади сами находили верное направление. Всего через четверть часа они начали различать впереди смутные силуэты всадников. Должно быть, почва, по которой они скакали, была твердой и каменной, потому что топот копыт разносился далеко и отчетливо. Стерн свернул в сторону, и Каролина как тень последовала за ним. Совсем близко они обнаружили другую тропу, покрытую толстым слоем песка, на которой ход замотанных мешковиной лошадиных копыт был почти не слышен даже при быстрой скачке.

Вдалеке мелькнули огни. Всадники не могли понять, караван ли это или сигнал постовых Калафа. Чтобы сориентироваться, они остановились. Ночь была тиха, теперь ее не тревожил даже бег скакунов Калафа. Видимо, разбойники уже достигли того укрытия, откуда собирались нападать на караван. Теперь они, наверное, дожидались, когда к ним присоединятся остальные.

Каролина и Стерн, подстегивая своих коней, поскакали дальше. Тряпки давно сбились с лошадиных копыт, но сейчас уже было не до этого. Внезапно перед всадниками открылась широкая долина. Из едва различимого далека двигалась мерцающая огнями процессия. Караван! Приглушенное, но явно различимое монотонное «хо-хо-хо» погонщиков нарушило ночную тишину. Люди Калафа тоже, конечно, услышали эти звуки и, сидя в своих укрытиях, ждали только сигнала к нападению. Каролина и Рамон не могли уже думать об опасности быть обнаруженными ими. У них оставался последний шанс.

– Сейчас или никогда, – прошептал Стерн. – Скачите, не оглядываясь. Когда достигнем каравана – но запомните, только тогда, – мы разъедемся. Я поговорю с караванщиками, а вы попробуйте найти Зинаиду. Женщины и дети чаще всего находятся в центре каравана.

Каролина кивнула. В заунывных криках погонщиков было что-то будничное, успокаивающее. Ей казалось, она видит перед собой свое дитя, укутанное в теплые пеленки, спокойно спящее под мерный ход верблюда.

Глаза Стерна неотрывно следили за ее лицом. Что-то, что было сильнее его, толкнуло Рамона к ней. Одно короткое мгновение ему казалось, что женщина, чьего бурнуса нежно коснулась его рука, молча отвечает ему. Он уже хотел обхватить эту руку – слишком тонкую и нежную для того, чтобы править лошадью или держать оружие, – но тут увидел ее глаза. Они были направлены туда, в ночь, где долину прорезала казавшаяся бесконечной лента каравана.

Стерн пришпорил коня и галопом пустил его вниз в долину.

Серебром блестели в синей ночи пики вооруженного отряда, охранявшего караван. Каролина и Стерн при виде их сдержали коней. Рамон громко поприветствовал караванщиков. Через мгновение они уже были окружены всадниками. Каролина не настолько хорошо знала арабский, чтобы понять быструю речь караванщиков. Наконец Стерну удалось привлечь внимание их к своим словам:

– Остановите караван! Банда Калафа собирается там, на холмах. Они могут напасть в любой момент. Вооружайтесь все!

Известие о грозящей опасности мигом дошло до самого конца каравана. Словно порыв ветра поднял всех на ноги. Голоса стали громче, резко зазвучали приказы.

– Золото! – крикнул кто-то. – Золото!

Всадники галопом поскакали вперед, чтобы получить у охраны каравана оружие и патроны. Все остальные не ждали ничьих указаний, прекрасно зная, что должны делать при опасности. Они озлобленно гнали вперед своих животных, оттесняя в стороны чужих. Прокля-

тия неслись отовсюду. Крепко сбитое, мощное, как у хищника, тело каравана казалось обезглавленным. Тени людей и животных хаотично метались по ночной долине.

Каролина тоже была захвачена этой испуганной круговертью. Вокруг нее мелькали чужие смуглые лица, с криком пробегали верблюды. Как она найдет своего ребенка в таком хаосе? Каролина с отчаянием подумала, что даже не знает кормилицу в лицо. Знает только ее имя – Зинаида. Рядом с ней опустился на колени один из верблюдов. Паланкин на его спине раскачивался из стороны в сторону. Чья-то рука откинула полог, и из-за него возникло лицо пожилой женщины.

– Я ищу Зинаиду, – крикнула ей Каролина. – Зинаиду, кормилицу! С ней новорожденный ребенок.

Старуха подняла голову и посмотрела на Каролину раскосыми, ничего не выражающими глазами. Ничего не ответив, она снова задернула полог паланкина.

– Я ищу Зинаиду, – громко обратилась Каролина к босому негру, который вел осла, почти не видного под грудой поклажи.

Тот указал куда-то назад, в глубину гудящего роем каравана.

Каролина с трудом пробиралась на лошади сквозь толпу людей и животных, охваченных паникой.

– Зинаида! – кричала она снова и снова, когда ее глаза различили во мраке ночи чье-то лицо.

Внезапно на ее крик остановился маленький лысый абиссинец.

– Вы ищете Зинаиду? – спросил он.

– Да, у нее новорожденная девочка.

– Пойдемте, – сказал он. – Я отведу вас к ней.

Но тут в начале каравана прозвучали первые выстрелы. Паника охватила людей, когда они увидели скачущих к каравану по склону холма разбойников Калафа в белоснежных бурнусах.

Каролина оглянулась в поисках абиссинца, который пообещал ей указать дорогу. Пронесшийся мимо всадник сбил его с ног. Вооруженные мужчины образовывали круг, оцепляя караван живым кольцом. Они выкрикивали приказания, пытаясь согнать в кучу людей и верблюдов. Абиссинец что-то еще крикнул Каролине, но его крик потонул в шуме стрельбы, раздававшейся теперь отовсюду. Каролина пришпорила лошадь. Перед ней, черный и невесомый, как тень, бежал абиссинец. Они пробились через обезумевшую толпу, достигнув хвоста каравана. Повсюду из темноты возникали и снова растворялись в ней белые бурнусы разбойников Калафа. Пули свистели, копыта пролетали сквозь ночь и с жалобным скрипом врезались в песок.

Глядя прямо перед собой, Каролина не сразу заметила всадника, вынырнувшего откуда-то сбоку. Вдруг краешком глаза она увидела клинок, блеснувший в его руке, который со свистом разрубил воздух.

Белая кобыла под нею откинула голову назад, ее передние ноги подогнулись, и она рухнула на землю. Каролина больше не чувствовала под собой седла; ее ноги выскользнули из стремян, руки не смогли удержать повод. Она упала. Белый плащ, как парус, вздулся сзади и накрыл ее с головой...

Каролина лежала на земле, ее пальцы сжимали сыпучий песок, но ей все еще казалось, что она держит поводья. Вдруг она почувствовала что-то влажное на своих щеках, чье-то теплое дыхание согрело ее лицо. Она открыла глаза и увидела над собой морду своей лошади – узкую, светлую и большеглазую. Лошадь лежала на песке рядом с ней.

Каролина с трудом вытащила из песка руку, схватилась за светлую гриву и прижалась лицом к теплой шерсти животного. Картины, посетившие ее во время забытья, все еще казались ей реальной, чем то, что происходило вокруг. Ей не хотелось открывать глаза. Медленно, медленно сознание возвращалось к ней. Она вспомнила, как упала ее лошадь. Похоже, сама

она не была ранена, только с лошады что-то произошло при падении. Каролина села, проверила, слушаются ли ее руки, ноги. Огляделась вокруг. То, что она увидела, окончательно вернуло ее в реальный мир.

Караван, еще недавно наполнявший огромную долину жизнью, был развеян по песку: упавшие верблюды, которые не могли сами подняться, разбросанный скарб, разорванные мешки с фуражом, откуда клоками лезло сено, распоротые бурдюки с водой, разрубленные крепления шатров, опрокинутые паланкины... Зловещее оцепенение еще властвовало надо всем. Единственным признаком жизни были стоны раненых и крики животных.

Но не это теперь занимало ее. Где абиссинец? Как она найдет теперь Зинаиду и ребенка? Следы копыт подсказали Каролине место, где упала ее лошадь.

Она должна найти Стерна. Каролина внимательно посмотрела вокруг. Над гребнем холма сияла луна. Каролина с трудом взобралась на поднявшуюся на ноги лошадь. Перед ней каменные глыбы громоздились неким подобием архитектурного сооружения. Она направила туда свою лошадь, обогнув обломки скал и все больше углубляясь в этот странный ландшафт из слюдяного песка и красных, гладко отполированных кусков лавы. Кое-где эту скудную почву украшали чахлые пучки травы. Но постепенно растительность становилась гуще. Дорога уходила вверх. Лошадь, похоже, слушалась своего инстинкта, и Каролина предоставила ей свободу. Так она и ехала, доверяясь лошадиному чутью, чувствуя себя уверенно верхом на умном животном. В ночном небе показались черные кроны пальм. Лошадь сама перешла на галоп. Из-за невысокого кустарника вдруг появилась голова газели. Секунду она оставалась неподвижной, лишь испуганно косила темными глазами. Потом мгновенно прыгнула в сторону и исчезла в темноте.

Бег лошади становился все быстрее и уверенней, хотя Каролина опустила поводья. Достигнув вершины холма, кобыла громко заржала и с новыми силами припустила вперед. Каролина ободряюще похлопала ее по шее. Станным образом уверенность животного передалась и ей. Но вдруг ее пронзила мысль, что кобыла просто возвращается к лагерю Калафа.

Каролина внимательно всмотрелась вперед. Но шатры с большого, окруженного пальмами высокого плато уже исчезли. И на земле не было никаких следов стоянки. Казалось, уже давно здесь хозяйничали только ветер и песок. Светлые гранитные плиты у источника блестели в лунном свете. Перед ней возникла изгородь лошадиного загона. Он тоже был пуст.

Лагерь был покинут, но ее не оставляло ощущение, что здесь кто-то есть. Какой-то еле слышный звук потревожил тишину. Она остановила лошадь. Каролина не была уверена, кто издавал эти звуки – животное или человек. Она напряженно вслушивалась. Вот он, снова. Слабый стон. Он исходил из кустов тамариска.

Полуприкрытый свисающими ветвями, под кустом лежал мужчина в голубом бурнусе. Как смертельно раненный зверь, он нашел себе укрытие и забился в него.

Каролина с жалостью узнала в человеке Разима. Его глаза были широко раскрыты и смотрели в темноту с выражением упрямой надменности.

Она не заметила, что песок под ним стал мокрым и темным от крови, что его бурнус весь пропитался ею. Она видела только его лицо, которое в бледном свете луны казалось маской, лишенной красок и жизненных соков.

Каролина молча склонилась над умирающим. Она не решалась окликнуть его. Подняв глаза, она увидела, что ее лошадь нашла кусочек земли, поросший травой. Внезапно кобыла настороженно подняла голову. В тот же момент Каролина тоже почувствовала легкую дрожь, пробежавшую по земле. Это были ритмичные удары, становившиеся все ближе, все отчетливее. Теперь Каролина слышала стук копыт. Не способная даже сдвинуться с места, она так и сидела, склонившись к Разиму. Тень всадника накрыла ее. Несколько секунд вглядывалась она в лицо подскакавшего человека, прежде чем осознала, что это Рамон Стерн.

Испытывая невероятное облегчение, она обвила его руками, прижалась к нему, не в силах вымолвить ни слова. Да и что сейчас значили слова? Она хотела только почувствовать на своей щеке прикосновение его бурнуса, вдыхать с закрытыми глазами этот терпкий запах, исходящий от мужского тела. Это длилось всего миг, не дольше вдоха, но он стоил больше, чем месяцы скитаний и преследований, лежащие за ее спиной. Снова открыв глаза, Каролина встретила его взгляд и испугалась. Такая в нем таилась невысказанная любовь, что она поспешила высвободиться из его рук. Но это было не испугом, а, скорее, жестом отчаяния. То, что она прочла в глазах Рамона, опечалило ее. Она не разделяла этой любви и не могла бы разделить ее – но в этот момент ей было необходимо, чтобы ее любили.

До сей поры Каролина воспринимала все, что делал для нее Стерн, как должное. Более того: она с некоторым пренебрежением смотрела на этого человека. Слишком напоминал он ей о прошлом, о том, что она никак не могла простить своему мужу, который не пришел ей на помощь сам, а прислал этого чужака.

– Я не хотел напугать вас, – сказал Стерн. – Я искал вас повсюду.

От куста тамариска снова донеслись тихие стоны.

– Это Разим, – сказала Каролина. – Я нашла его перед самым вашим приездом.

Стерн опустился на колени рядом с проводником. По телу умирающего, все еще глядящего угасающими глазами в небо, пробежала судорога. Его голова упала набок. Только руки, сложенные на груди, невидимые под длинными рукавами бурнуса, оставались неподвижными. Стерн поднял рукава вверх, чтобы попытаться нащупать пульс. Однако, приподняв один рукав, вдруг замер. У Разима больше не было рук. Под голубой шерстью бурнуса недвижно лежали окровавленные обрубки. Стерн поднял голову:

– Он успел вам что-нибудь сказать? Каролина отвела взгляд от ужасающего зрелища.

– Почему они убили его? Только потому, что он довел нас до источника?

Стерн кивнул. Он знал, каким страшным пыткам подвергает Калаф тех, кто нарушает его законы. По сравнению с этими мучениями смерть, которая постигла Разима, можно было считать милостью. Бедуин медленно истек кровью от полученных ран. Видимо, Калаф и его бандиты здорово спешили. Стерн закрыл мертвому глаза. Рубаха на груди Разима была распахнута. На его шее на шнурке висел мешочек из козлиной кожи. Стерн порвал шнурок и снял мешочек с шеи бедуина. Мешочек словно ничего не весил. Что там могло быть? Может, цитата из Корана? Многие бедуины носили их с собой вместо талисмана. Но у них не было времени, чтобы исследовать его содержимое. Люди Калафа вполне могли вернуться сюда. Стерн снял с себя бурнус, свернул его и стал заметать песок, уничтожая следы, которые могли бы их выдать. Шорох бурнуса и тихий шепот песка были единственными звуками, нарушающими ночную тишину.

Была ли это безмерная усталость после шестнадцати часов практически непрерывной скачки – или сказывалось потрясение после всего происшедшего? Но Каролина испытывала ужас перед необходимостью снова взобраться в седло и скакать в непроглядную ночь. Зинаида, ее дочка – они ждут ее, рассчитывают на ее помощь. Она снова и снова повторяла себе это, но не испытывала в душе ничего, кроме холодного отчаяния и пустоты. Нет, эта миссия – превыше ее сил! Ее взгляд скользнул по плато. Колодец! Глоток воды! Возможно, это ей поможет. Каролина бросилась туда, на бегу закатывая рукава бурнуса.

Она по локоть погрузила руки в прозрачную, холодную влагу. Не в силах остановиться, она вновь и вновь зачерпывала горстями воду и жадно подносила ее ко рту. В последний раз она просто пропустила воду сквозь пальцы, уже не будучи в состоянии выпить ни капли. Перегнувшись через край колодца, она взглядела в женское лицо, отражавшееся в спокойной воде. Потом убрала со лба капюшон накидки и посмотрела повнимательней. Неужели это она? Ее глаза? Ее рот? Это был не просто мимолетный взгляд, который бросает на себя женщина в

зеркало. Это было возвращение к себе самой. Она – женщина. Она молода и хороша собой. Она любила раньше и была любимой. А теперь – теперь ее тоже любят. Рамон Стерн.

Любовь – помнила ли она еще, что это такое? То, что она подвергала себя опасностям, перед которыми отступали даже мужчины, – делала ли она это из любви? И насколько хватит у нее сил хранить эту любовь, которая потребовала от нее стольких жертв? Она чувствовала себя лунатиком, который внезапно пришел в себя. До сего момента она шла своим путем со слепой решимостью, без дрожи и сомнений. Она не ведала ни страха, ни колебаний, ни сожалений, ведомая компасом своей большой любви. А сейчас она вдруг испугалась: а если компас врет, а если его магнитная стрелка потеряла свою магическую силу...

Обернувшись, Каролина увидела подъезжающего Стерна, ведущего за узды ее лошадь.

– Я обыскал все вокруг, – сказал он. – Они уехали. Правда, с ними исчез и весь наш багаж. И все лошади, и верблюды – все. – Он бросил на землю полупустой мешок. – Это единственное, что они проглядели.

Он спешился, развязал мешок и исследовал его содержимое. Кожаный футляр с серебряными пистолетами; кусок флорентийской парчи – жалкие остатки даров, предназначавшихся для наместника Тимбукту. А вот и шкатулка из кедра. Стерн открыл ее и вздохнул с облегчением. Лекарства и противоядия, полный набор хирургических инструментов уцелели. Это были бесценные вещи, которые сейчас для них важнее всех сокровищ на свете. Наконец Рамон вынул из мешка два голубых плаща, а остальные вещи сложил на место. Потом завязал разорванные концы мешка и приторочил его к седлу своей лошади.

– Пойдемте, – сказал он Каролине. – Нам надо поторапливаться, мы и так задержались здесь.

Каролина не двинулась с места. Она вспомнила об ожерелье из раковин, которое всегда возила с собой в седле – как напоминание о том утре, когда ее дочь появилась на свет. Это было единственное украшение, остававшееся у нее. Она стояла понурившись, погрузившись в собственное уныние. Существует ли что-нибудь способное вернуть ее к жизни?

Она взялась за повод, поставила ногу в стремя.

– Куда мы поедем? – в вопросе прозвучала глубокая безнадежность.

– Обрато к каравану.

Каролина напряглась в седле:

– Что там произошло?

– Есть убитые и раненые, но разбойникам не удалось захватить то, ради чего они устроили нападение. А что у вас? Нашли вы кормилицу с ребенком?

Как, как ей преодолеть подступающий паралич воли? Где взять силы?

– Нет. Я приехала слишком поздно... – Казалось, она сама себе не может этого простить.

Стерн набросил на плечи голубой плащ, второй протянул Каролине:

– Закутайтесь!

Она украдкой взглянула на него. Неужели его тоже ждет печальная участь, как и всех других, кто осмелится встать между нею и ее судьбой? Ее сердце дрогнуло. Она завязала плащ и сжала коленями бока лошади.

4

Огни каравана освещали долину. Никто не обратил внимания на появление двух всадников. Охрана была занята тем, что забивала раненого верблюда. Обнаженные по пояс, с короткими ножами в руках, они потрошили животное.

Повсюду шло приготовление еды. Над кострами висели дымящиеся горшки, вертелись шампуры с нанизанными на них кусками мяса. Мужчины сидели перед шатрами и толкли кофе в ступках. Монотонное постукивание пестиков о ступки сливалось с шумом людских голосов, смехом, криками животных в необыкновенную, полную буйной силы мелодию.

В самом конце каравана, далекий от всей этой шумной возни, сидел на корточках худенький подросток. Погруженный в себя, прислонившись спиной к полуразобранному шатру, он бесцельно глядел в ночь. В ногах мальчика неподвижно лежал закутанный в плащ человек.

Странное чувство сопричастности, толкающее друг к другу людей с похожей судьбой, заставило Каролину и Рамона остановиться перед мальчиком.

– Твой господин болен? – спросил Стерн.

Юноша поднял голову. Он рассеянно посмотрел на всадника, словно не понимая смысла его слов. Потом с трудом выговорил:

– Мой господин мертв. – Он перевел взгляд на распростертое перед ним тело. – Он чувствовал приближение смерти. Поэтому и отправился в путь, чтобы умереть в Мекке. Это его четвертый хадж. Теперь не будет ему покоя.

Каролина и Рамон спешили. Стерн подошел к юноше и положил руку ему на плечо:

– Твой господин обретет высший покой.

Подросток вскочил:

– Вы знали Мохамеда бен Тумара? Он был добрым господином и очень ученым человеком. Он никогда не бил меня и обращался со мной как с сыном.

– Не хотел бы ты служить у нас? – спросила вдруг Каролина, поддавшись внезапному порыву.

С жалобным криком юноша бросился на землю рядом с мертвым телом. Минуту он лежал неподвижно. Когда же выпрямился, глаза его блестели как в лихорадке.

– Он позволил мне это. Аллах послал вас. Где ваша поклажа и ваши животные?

– У нас нет больше поклажи. Мы все потеряли. У нас нет даже денег, чтобы заплатить тебе за услуги. Мы сможем расплатиться с тобой только в Тимбукту.

Юноша поднял руки, давая знать, что все понял.

– Мой господин всегда делился со мной тем, что имел. Он не возражал бы, чтобы вы взяли его шатер, – он указал на выцветшую и латаную ткань, свернутую на земле.

– Как тебя зовут? – спросила Каролина.

Юноша выпрямился. У него были классические восточные черты лица; из-за длинных локонов, доходивших до плеч, и сбившейся набок фески с золотой бахромой он казался похожим на девушку.

– Я Алманзор, – с гордостью произнес он, – и буду служить вам так же честно, как служил своему хозяину.

С быстротой молнии Алманзор расставил шатер – такой маленький, что два человека едва умещались в нем. Он заботливо проверил, достаточно ли прочно укреплены штанги. Перед входом он разложил старый соломенный коврик. Минуту Алманзор раздумывал, стоит ли расстелить в палатке подстилку из меха козленка, на которой спал его хозяин. Но, взглянув украдкой на Каролину, зябко съжившуюся на полу, решил, что должен отдать ей подстилку.

Каролина отсутствующим взглядом смотрела, как Алманзор развел огонь и приготовил все для ужина. Он аккуратно подвесил над огнем котелок, где-то раздобыл седло и устроил из

него некое подобие столика. Но мальчик все еще не казался довольным. Из поклажи своего господина он достал кусок войлока, встряхнул его и разложил на седле.

Сколько прошло времени? Несколько минут, полчаса? Каролина почувствовала, как беспокойство и отчаяние мало-помалу оставляют ее. Согретая теплым дыханием костра, она вдыхала ароматные запахи пищи, и, свернувшись калачиком на меховой подстилке, она была даже счастлива. Без мыслей, без думы о том, что принесет следующее мгновение, – она ощущала блаженство от одной только возможности спокойно сидеть у костра, не боясь, что кто-то прогонит ее отсюда.

Между шатрами появилась фигура Стерна, который уходил в лагерь разузнать что-нибудь о Зинаиде. Пока он приближался быстрыми шагами, Каролине вдруг пришло в голову, что он так естественно двигается в бурнусае, как будто вырос в нем. Две расы смешались в нем, два мира. Его движения были полны первобытной грации, как у хищной пантеры, – а от изысканных черт лица исходила духовная сила, как у паломников. Рамон устало опустил на землю рядом с Каролиной.

– Я говорил с начальником сторожевого отряда, – сказал он. – Похоже, их больше нет в караване. Здесь есть где-то поблизости подземные пещеры, наверное, она убежала с ребенком туда. Слуга Зинаиды родом из этих мест, он знает здесь каждый камень. Не волнуйтесь за них.

Каролина набрала полную горсть песка, потом разжала кулак, следя, как песчинки текут между пальцев. Ее спокойствие не было наигранным. И тем не менее взрыв гнева или испуга не заставил бы так сжаться его сердце, как это безнадежное молчание.

Она подняла глаза, когда перед ними внезапно возник Алманзор и взволнованно произнес:

– Господин! Там двое слуг от Измаила абу Семина. Они принесли дары!

Два богато разодетых прислужника уже вошли в освещенный костром круг. Один из них едва удерживал на вытянутых руках огромный поднос, заставленный яствами. Когда он поклонился, кисти зеленой чалмы упали ему на лоб и глаза.

– Измаил абу Семин шлет приветствие чужеземцам, которых послал Аллах, чтобы спасти караван. Добро пожаловать!

Алманзор принял поднос из рук слуги. Надувшись от гордости, он чопорно водрузил поднос на сооруженный им шаткий столик. Второй слуга выступил вперед, развернул ковер и передал его Алманзору. Тот теперь убедился окончательно, что двое чужаков, к которым он пошел в услужение, были людьми уважаемыми и высокородными.

– Кто он, этот Измаил абу Семин? – спросила Каролина.

Глаза Алманзора блеснули:

– Измаил абу Семин – самый богатый торговец бриллиантами в Тимбукту. Его богатство и власть неизмеримы. – Юноша окинул взглядом изысканные яства и бесценный ковер, и радость внезапно ушла из его глаз. – Господин! Вы ведь должны как-то ответить на дары Измаила. Иначе, о Аллах, он решит, что вы их не оценили и отнеслись к нему без должного уважения, – он беспомощно переводил взгляд с Каролины на Стерна. – У Измаила мягкое сердце, но, когда задета его честь, он становится беспощадным.

Рамон скрылся в палатке. Он вернулся оттуда с мешком, развязал его и вытряс содержимое на землю. Он поднял кожаный футляр с серебряными пистолетами, открыл его и вопросительно взглянул на Алманзора. Какое-то мгновение тот казался слишком обескураженным, чтобы как-то прореагировать, но тут же юноша захопал в ладоши, как ребенок, выражая свой восторг:

– Ничего не могло бы быть лучше! После драгоценных камней больше всего на свете Измаил любит красивое оружие!

Каролина указала на отрез ткани. Алманзор нежно провел кончиками пальцев по бирюзовой, затканной золотой нитью парче.

– И вы сказали, что все потеряли! – Он положил дары перед собой.

Юноша уже видел себя спешащим по лагерю – себя, самого молодого и бедного из слуг, несущего Измаилу абу Семину бесценные подарки.

Кушанья, которые принесли слуги Измаила, были только что приготовлены. От них еще шел пар, и пахли они восхитительно.

Большой медный поднос был наполнен до краев. В середине – гора баранины, вокруг белоснежный рис. В маленьких медных мисочках лежали восточные сладости. Каролина только теперь поняла, как она голодна. Она закатала широкие рукава бурнуса и опустила пальцы в пиалу с водой, предусмотрительно поднесенную Алманзором. Потом стряхнула влагу с рук. Она действовала руками так, словно с детства не ела иначе. Не запачкав ладоней, она аккуратно скатывала пальцами маленькие шарики из мяса и риса и отправляла их в рот.

Стерн был занят совсем другим. Он развязал мешочек, который снял с груди мертвого Разима, и достал оттуда тонкий, много раз сложенный лист бумаги. Рамон развернул его, разгладил. Это была карта, покрытая черными, красными и зелеными значками. Как загипнотизированный смотрел он на свою находку, поворачивал ее так и сяк, изучал значки... В его голосе звучало нескрываемое волнение, когда он произнес:

– План всех колодцев!

Каролина ответила, не отрываясь от еды:

– Вы сказали это так, словно речь идет о золоте или несметных сокровищах.

Стерн смотрел прямо перед собой.

– В пустыне вода значит куда больше, чем золото. Вся власть Калафа зиждется на том, что он знает места расположения колодцев, известных только ему. Кто владеет этим планом, тот и есть властитель пустыни. – Он указал на зеленые значки. – Кружочки – это артезианские колодцы, крестики – источники, а точки – неизвестные ключи. Вот это, видите, – пути больших караванов. – Он провел пальцем по тонким красным линиям, тянущимся от Абомей к Триполи и Алжиру и покрывающим карту сплошной сетью с трещинами на сгибах бумаги. – Кто владеет этим планом, тот не привязан к караванным путям. Для того мертвая пустыня полна живительной воды.

– Вы думаете, это карта всей пустыни, до самого Средиземного моря?

Стерн вдруг поспешно сложил и спрятал план обратно в мешочек. Тот, кто владеет этим сокровищем, жив, покуда никто об этом не знает. Каролина все еще видела перед собой множество значков, покрывающих тонкий лист бумаги. Медленно до нее доходил смысл слов Рамона. Пустыня внезапно потеряла свое грозное могущество. Вода – та самая вода, чья живительная влага могла утолить ее жажду, чье зеркало напоминало ей, что она женщина, что она молода, хороша собой и впереди у нее целая жизнь...

Каролина стояла перед палаткой и кормила уже взнузданных лошадей. Животные, похоже, чувствовали ее нетерпение. Колокольчики, которые Алманзор привязал к их уздечкам, беспокойно звенели. Слуга бесшумно сновал взад-вперед, упаковывая их немудреный скарб. Он провел ночь у тела своего господина, а когда зашла луна, похоронил его с помощью Стерна.

На горизонте возникла тонкая серая полоса. Подул ветер, неся перед собой маленькие песчаные вихри. Флажки на шатрах затрепетали. Где-то заржали, лошади. Голоса стали громче. Через час наступит день. Караван был готов к выступлению. Каролина не имела понятия, где так долго пропадает Рамон. Она накрыла лицо черным покрывалом, под которым чувствовала себя, как в темнице. Однако Стерн настоял на этом. Ни в коем случае окружающие не должны были заподозрить, что она христианка. Каролина издали увидела его мощную фигуру, вскочила на свою лошадь и, ведя на поводу коня Стерна, поскакала ему навстречу.

От места, где располагались форпосты, донеслись до них взволнованные голоса. Лицо Стерна выражало беспокойство. Каролина проследила за его взглядом. На склоне холма, казав-

шегося синим на фоне серого неба, появились три всадника и галопом помчались к лагерю. На белых лошадях. Белые плащи развевались за их спинами.

Так вот что напугало охрану! Сжав в руках оружие, солдаты поджидали людей Калафа – естественно, это были посланцы властелина пустыни. Лагерь мгновенно наполнился шумом, испуганным говором. Мужчины выскакивали из шатров, обменивались короткими фразами. Некоторые снова возвращались назад, другие, посмелее или любопытнее, поспешили к голове каравана. Между тем трое всадников достигли лагеря. Каролина вопросительно взглянула на Стерна:

– Что все это значит?

– Боюсь, ничего хорошего, – ответил тот, нахмурившись. – Нужно держать ухо востро, а еще лучше – убраться поскорее отсюда.

Они уже собрались повернуть коней, но двое всадников из эскорта преградили им путь. Один из них поднял руку.

– Следуйте за нами! – сказал он. – Исмаил абу Семин хочет говорить с вами.

Плотное кольцо мужчин окружило людей Калафа.

– На место! – закричал офицер эскорта. – Займите все свои места!

Круг разомкнулся. Мужчины, ворча, возвращались к своим коням.

Теперь Каролина была довольна тем, что воспользовалась советом Рамона и скрыла под покрывалом свое лицо, поскольку из-под него могла беспрепятственно разглядывать сопровождающих их всадников. И то, что она прочла на этих лицах, объяснило ей многое. В их глазах был слепой фанатизм. Когда же они поглядывали на нее, их руки непроизвольно сжимались в кулаки.

– Позвольте сказать Исмаилу абу Семину, – сказал чей-то голос из толпы. – Он должен объяснить нам все.

Торговец бриллиантами подошел ближе. У него было правильное, немного женственное лицо. Круглое коричневое родимое пятно на переносице и смутная улыбка, блуждающая на его губах, делали его похожим на Будду. Он говорил, почти не повышая голоса:

– Вы видели всадников. Это посланцы Калафа. Они пришли из-за вас. От имени властелина пустыни они потребовали, чтобы мы вас выдали ему. Если мы этого не сделаем, последует новое нападение на караван. – Он сделал паузу. – Посланцы Калафа утверждают, что вы христиане.

Речь Исмаила тонула в яростном вое толпы. При последних же словах мужчины сначала разом умолкли, но сразу же тишина сменилась криками, в которых явственно зазвучала угроза. Все одновременно что-то горячо говорили. Они не замолчали, даже когда хозяин каравана сказал:

– Дайте же им ответить!

Стерн тронул коня и заслонил собой Каролину. Он заговорил, и его голос звучал твердо:

– То, чего требует Калаф, – против законов гостеприимства. А это закон пустыни.

Исмаил покачал головой. Его лицо не покидала все та же улыбка.

– Но есть и другой закон, – сказал он. – Это закон власти. Посмотрите туда, и вы поймете, о чем я говорю.

Как будто по приказу таинственной силы, все взгляды обратились к холмам на юго-востоке. Каролина тоже взглянула туда. Наверху, вытянувшись бесконечной нитью по гряде холмов, застыла цепь всадников. Армия Калафа. Белые лошади и, будто сросшиеся с ними, всадники в белых одеяниях, в центре которых выделялась фигура в пурпурном бурнусе. Только теперь до Каролины дошел смысл слов Исмаила абу Семина. Бандиты Калафа, застывшие на холме, окруженные золотым сиянием восходящего солнца, казались сошедшими на землю призраками смерти. Они вселяли панический ужас в сердца окружавших ее людей.

Но даже страх перед Калафом был пустяком по сравнению с тем священным ужасом, что посетил их при сообщении, что между ними находятся христиане. Никто не вспомнил, что эти чужеземцы вчера предупредили караван о нападении Калафа и тем самым спасли их от неминуемой гибели. Зловещая тишина длилась всего несколько секунд, которые показались Каролине вечностью, и прервалась так неожиданно, что даже Исмаил был ошеломлен. Мужчины, объединенные бешеной ненавистью к этим двум неверным, кинулись вперед с дикими криками. В их руках оказались камни, и вот один из них уже просвистел в воздухе рядом с головой Каролины. Люди тесным кольцом окружили Стерна и Каролину, сбросив их с коней.

– Остановитесь! – Голос Исмаила с трудом перекрыл людской вой.

Мусульмане нехотя подчинились властному окрику.

– Одумайтесь! Кто вы? Мирные путешественники – или разбойники Калафа? Выслушайте их сначала!

– Выдай их! – ответил дружный хор голосов. – Выдай неверных!

Только посланцы Калафа спокойно сидели на своих белых лошадях. На их лицах застыло выражение жестокого злорадства.

– Подождите! – Это снова был Исмаил абу Семин. – Если это ваша воля, то она свершится. Но свершиться она должна по законам каравана. Выскажите свой приговор, и если ни один голос не выступит в их защиту, то так тому и быть.

Рамон и Каролина стояли, привязанные друг к другу спинами. Каролина с трудом сохраняла равновесие, так сильно были натянуты веревки на их ногах. Ее одежда во многих местах была разорвана, и веревки впивались в тело, причиняя сильную боль. Когда началось голосование, она прикрыла глаза.

– Выдать!

– Выдать!

Одна за другой поднимались руки. Каждый выкрикивал свой приговор, и Исмаил абу Семин торжественно объявлял имя говорящего и повторял его решение. Ни одного голоса не прозвучало в защиту христиан. Последней была очередь самого Исмаила. Торговец выступил вперед. Теперь от его голоса зависело все, и ему едва удавалось скрывать, что он наслаждается этим ощущением. Исмаил абу Семин славился своей мудростью и хладнокровием, никогда не позволял себе необдуманных поступков. Не в его обычаях было спешить с заключениями. Будучи торговцем драгоценностями, он знал, что нельзя дать себя ослепить внешнему блеску. Напротив – каждый камень, каждую жемчужину надо подвергать тщательному отбору. Столь же основательно продумывал он и каждое решение, касавшееся его жизни, – и тот приговор, который ему следовало произнести сейчас. Прежде чем отдать свой голос «за» или «против», он хотел больше узнать об этих христианах – а самое главное, проверить свое зародившееся еще вчера подозрение.

Без единого слова он подошел к Каролине, потому что именно она вызывала его особое любопытство. Его цепкий взгляд изучал ее лицо, на котором не было больше покрывала. Беспощадный свет утреннего солнца, который делал более заметным любой недостаток или изъян, освещал это удивительное лицо. Оно было настолько прекрасно, что, казалось, даже этому равнодушному солнцу не оставалось ничего иного, как лишь подчеркнуть его очарование. Женщина с сапфировыми глазами! Да, конечно, это она, та самая женщина, о которой говорила вся Абомея в те дни, когда золотой караван собирался в путь. Француженка, красавица, аристократка. Исмаил абу Семин не мог оторвать взгляда от этого лица. Этой стройной фигуры. От этой кожи, нежной, матовой, как самый дорогой шелк. И от этих удивительных глаз. Ювелир разглядывал ее не как мужчина, а как торговец – так же, как он изучал свои драгоценные камни. Как и их, он мысленно оценивал ее, и в его голове рождалась смутная пока мысль, какие возможности могла бы дать ему эта женщина, если он будет достаточно умен, чтобы правильно действовать в создавшейся ситуации. Она была самым бесценным сокрови-

щем из всех, что проходили когда-либо через его руки; он не должен позволить ей бесследно исчезнуть, он должен владеть ею...

Измаил чувствовал нетерпение окружающих его людей. Он смотрел на них, переводя взгляд с одного лица на другое. Осмелится ли он поднять свой голос против них? Не обрушится ли тогда их гнев прежде всего на него? Как ему быть?

Вдруг два выстрела разорвали напряженную тишину. Все испуганно обернулись. Всадники Калафа тоже повернули лошадей. Выстрелы донеслись с вершины холма. Над фалангой белых всадников, застывших на песчаной гряде, еще не развеялось два белых облачка. Видимо, это был сигнал, которого ожидали посланцы. Один из них поднял свою винтовку и дважды выстрелил в воздух. Потом закинул оружие за спину, пришпорил лошадь, и двое остальных тут же последовали его примеру. Бешеным галопом, поднимая тучу песка, поскакали они вверх по склону.

На лбу Измаила абу Семина выступили крупные капли пота. Он не был чересчур религиозен и не верил, что Аллах вмешивается в людские дела. И все же, видимо, сейчас он подал знак свыше, проявил свою волю. Эти двое христиан должны остаться в караване!

Все еще растерянный и смущенный, смотрел он на склон холма. Даже длинные тени троих всадников уже исчезли оттуда. Отряд Калафа словно испарился, растаял как мираж. Только туча пыли, еще не осевшая на горизонте, да отдельные выстрелы, доносившиеся с той стороны холма, доказывали, что все это им не привиделось.

Он вытер пот со лба. Теперь, когда Измаил взял себя в руки и мог рассуждать спокойно, он осознал, что опасность еще существует, она не развеяна окончательно. Люди из каравана, ошарашенные внезапной переменой, сейчас придут в себя и вспомнят об этих двух христианах. Сейчас Измаил видел лишь растерянность на их лицах, но разве они не проголосовали за изгнание христиан из каравана? Разве не был произнесен их приговор?

Лучше всего, если он не даст им окончательно прийти в себя. Словно поддавшись внезапному порыву, Измаил подошел к связанным пленникам.

– Вы ждете, чтобы я высказал свое решение. – Он развел руки и поднял глаза к небу. – Но что мой голос в сравнении с тем, кто уже произнес его до меня. Это Аллах говорил с нами. Второй раз отводит он от нас беду. Восхвалим его мудрость и бесконечную милость!

Измаил вытащил свой кинжал из ножен:

– Воля Аллаха в том, чтобы были разорваны эти путы.

Караванщики уставились на оружие в его руке. Все растерянно молчали. Неспособные еще ясно мыслить, они все же мучились подозрением, что их пытаются обмануть.

Измаил почувствовал это молчаливое неодобрение. У него всегда был нюх на грозящую опасность. Если он покажет свою неуверенность, отступит хоть на шаг, все будет потеряно. Он заговорил. Его голос звучал не громче, чем раньше, но была в нем сила, способная сломить любое сопротивление:

– Чего вы ждете? Разве вы не видите, что солнце уже высоко? Наступил день, которого мы так долго ждали. Вставайте, вы, мужчины! Город ждет вас, город всех городов – Тимбукту!

Тимбукту! Измаил произнес магическое слово. Месяцами долгого пути мечтали они об этом городе. Цель их путешествия, предел всех их мечтаний: журчащие источники, мягкие постели, закусочные, бани, покой мечетей, крики муэдзинов, тамбурины танцовщиц – они ждут их, благоухающие, покрашенные, покорные, страстные служительницы ночи. И превыше всего – пьянящий аромат больших денег.

Теперь Измаил был уверен, что добился своего.

– Поспешите же! Мы и так потеряли достаточно времени. Поднимайте головного верблюда, за ним пускайте остальных животных! Делайте, что я говорю, если вы хотите достигнуть Тимбукту еще до сегодняшнего вечера.

– Головной верблюд убит! – крикнул один из погонщиков.

– Тогда возьмите Редшах! – распорядился Измаил.

Вздых удивления прокатился среди собравшихся. Сначала на лицах десятков людей отразилось недоумение, потом огромная радость. Уважение к Измаилу покоилось не только на его драгоценностях. Его верблюдица Редшах была легендой. Не только потому, что была быстрее и выносливее всех; караваны, которые она водила, всегда беспрепятственно добирались до цели своего путешествия. Мужчины разразились восторженными криками, а потом спешно потянулись к своим шатрам. Стало слышно, как они торопят своих слуг, понукают животных.

Измаил абу Семин подождал, пока последние караванщики разойдутся. Не говоря ни слова, он подошел к Каролине и Стерну и стал разрезать веревки.

Рамон первым пришел в себя:

– Благодарю вас. Вы спасли нам жизнь.

Ювелир указал назад, на холмы:

– Благодарите не меня, а того – кто бы он ни был, – кто отвел отсюда банду Калафа.

Стерн рассмеялся:

– Я завидую вашему спокойствию, Измаил. Это была рискованная игра – и для вас тоже. Но мы все еще остаемся христианами – не важно, связаны мы или нет.

Его смех, его голос вернули Каролине самообладание.

– Хорошо, что вы не тешите себя пустыми надеждами, – ответил Измаил, помедлив. – Вы теперь в постоянной опасности, ведь все знают, кто вы такие.

– Мой отец мусульманин, – возразил Стерн. – Только мать – христианка.

Измаил пораженно взглянул на него:

– Почему вы не сказали этого?

– Потому что своими словами спас бы только себя.

Измаил спрятал кинжал в ножны. Он чувствовал все большее расположение к этим чужеземцам. Они бесстрашны, они горды – и это хорошо. Но их честность и прямолинейность вызывали у него иронию. Он указал на Каролину:

– Вам нужно было сказать, что она ваша рабыня. Арабы обязаны разделять религию своих хозяев. Но теперь уж вам никто не поверит. – Измаил был в приподнятом настроении. – Я предлагаю вам свою защиту. Оставайтесь до Тимбукту вблизи от меня. У меня достаточно вооруженной охраны. В моей группе найдется место для вас.

Он сделал паузу. Чуть было не заговорил о Зинаиде и ребенке – но овладел собой. Измаил знал, что француженка искала вчера в караване кормилицу с младенцем. Он догадался, что за этим скрывалось: новорожденная, которую так боязливо скрывала еврейская кормилица от посторонних глаз, была дочерью этой христианки. Зачем же разглашать свою осведомленность? В отличие от этих простодушных людей он был хитер и дальновиден. Тысяча вопросов сверлила мозг Измаила, однако он обуздал свое любопытство. То, что ему непременно надо будет узнать, он узнает и не задавая вопросов. Он поклонился недавним пленникам:

– Я пошлю за вашим слугой и поклажей. Вы знаете, где меня найти.

Глубокое темно-синее небо раскинулось над равниной. Местность, которую пересекал сейчас караван, была ровной, белой и бесчувственной, как лист бумаги.

Авангард в пылающих красных бурнусах; эскорт Измаила в ядовито-зеленых тюрбанах; барабанщики, чернокожие рабы в желтых балахонах. А за ними – бесконечная вереница верблюдов, лошадей и ослов – все это сливалось в кричащую мешанину красок и звуков.

Каролина скакала между Стерном и Измаилом абу Семином. Уже несколько часов они не разговаривали. Все ее тело ныло, она с трудом удерживала в руках поводья. Но эти боли были ничем по сравнению с теми муками, что рвали ее душу. Она все время думала о том, что из-за страха перед этой кучей фанатиков-мусульман ей пришлось отказаться от поисков своей дочери. Она понимала, что Измаил абу Семин прав. Здравый смысл подсказывал ей это. Но когда она думала о Зинаиде и девочке, то начинала презирать свой здравый смысл.

То и дело Каролина исподтишка посматривала на торговца. Она не забыла выражение этого лица в тот момент, когда она, связанная, стояла перед ним, а он пристально изучал ее. Конечно, этот человек спас им жизнь, а теперь и взял под свою защиту. Несмотря на это, она не испытывала к нему благодарности, а лишь глубокое недоверие. Ей было неприятно думать о том, что весь остаток дня она должна ехать рядом с ним.

Вскоре после обеда они, даже не спешившись, напоили животных в солоноватой луже. Потом без привала отправились дальше, страдая не столько от жары, сколько от беспощадного, слепящего солнечного света.

Прошло еще несколько часов. Снова и снова Измаил вглядывался в линию горизонта. И вдруг напрягся и прикрыл глаза от света рукой. Что это? Тонкая серая полоска между небом и землей потеряла свою геометрическую четкость. Постепенно начали вырисовываться острые контуры. Появились вершины сланцевых гор. Серых и голых, как купола мечетей, возникших рядом с ними на горизонте.

Тимбукту! Это слово вмиг облетело весь караван, от начала до конца. Восторженные крики сопровождалась салютами выстрелов. Когда пороховой дым рассеялся, Каролина увидела вдали темные стены и башни города.

Площадь перед западными городскими воротами кишела людьми. В честь прибытия каравана в огромных глиняных плошках, стоящих по углам площади, зажгли смоляные факелы. Высоко вверх в темнеющее небо взлетело желто-красное пламя, придавая неспешному течению необходимых формальных процедур оттенок языческого праздника. После стольких месяцев все желали не спеша насладиться радостью достижения заветной цели. Кроме того, до захода солнца никто не смел переступить городскую черту.

Вокруг площади расставили шатры торговцы кофе и напитками. Балансируя с полными подносами, чудом удерживающимися на голове, в толпе сновали негрятята, расхваливая пронзительными голосами свои товары. Откуда-то раздавалось дребезжание тамбуринов. Вдоль городских стен расположились сборщики налогов, с нетерпением ожидая начала работы, когда караванщики предъявят товары, облагаемые пошлиной. Были отдельные прилавки для соли, хлопка, риса, слоновой кости и золота. И люди, прибывшие с караваном, толпились возле них, стремясь поскорее расплатиться за свой товар и попасть в город.

Только один прилавок не осаждался ожидающими. Сборщик пошлины, щуплый мужчина с редкой бородкой, сидел на синей подушке перед столиком, а напротив, с кальяном во рту, расположился Измаил абу Семин. Крохотные весы перед ним вновь склонились под тяжестью бриллианта. Уже целый час, камень за камнем, выкладывал Измаил на весы заботливо разложенные по коробочкам и шкатулкам сокровища. С полуопущенными веками, то погружаясь в беспокойный сон, то бодрствуя, наблюдала Каролина эту немую сцену между торговцем и сборщиком налогов.

Она сидела в тени синего тента, заботливо натянутого слугой Измаила. Она наелась и выпалась. А теперь? Проснулась ли она окончательно? Ее голова склонилась на плечо Рамона. Голубая тень полога упала на ее лицо. Когда она так, как сейчас, прикрывала глаза, мир рисовался ей в голубых тонах. Все отходило, отодвигалось вдаль – суета и шум на площади, бесконечная величавая пустыня – даже предвкушение встречи с Тимбукту. Жизнь текла мощным потоком, увлекая ее, словно шепку на зыбких волнах. Ее нетерпение погасло. Когда Измаил закончит свои дела, когда вернется Алманзор, которого Стерн послал к наместнику Тимбукту с поручением и рекомендательным письмом, – ей было все равно. Не существовало больше ничего, что гнало, призывало ее вперед. На Каролину снизошел покой, и она не хотела даже шевелиться, найдя надежную опору на этом широком сильном плече. Она не спрашивала себя, что с ней происходит. Она не хотела этого знать. Она хотела лишь, чтобы так все и оставалось.

Снова Измаил положил драгоценный камень на чашечку весов. Чиновник что-то тихо забормотал, подсчитывая. Потом произнес:

– Двенадцать тысяч пиастров. – Он занес названную сумму в свою тетрабочку, где уже стояла длинная колонка цифр.

Измаил абу Семин снял камень с весов.

– Двенадцать тысяч? – Он протянул сборщику свою лупу. – Прошу тебя, Мохамед Раис, посмотри сам. Неужели теперь берется дань даже с пыли? – в его мелодичном голосе не было и тени насмешки.

Чиновник рассмотрел камень в лупу:

– Крошечное загрязнение. Оно ничего не меняет в стоимости камня, – проговорил он, сверкнув глазами. – Однако, если бы камень взвешивали на каких-нибудь других весах – не моих, – он мог бы получиться тяжелее. – Сборщик подати захлопнул тетрадь, сложил камни, которые Измаил отдал в качестве налога, в шкатулку и тщательно закрыл ее. – Я желаю вам здоровья и благополучия, Измаил абу Семин. – Мужчины поклонились друг другу.

Измаил хлопнул в ладоши, призывая своих слуг. Они поспешно собрали все мешочки с драгоценными камнями, положили их в ларец. Измаил собственноручно навесил на него замок. Еще один слуга принес ему чашку дымящегося кофе, однако Измаил жестом отказался от нее.

Он наклонился к Каролине и Стерну:

– Калаф – просто младенец по сравнению с этим кровопийцей. Собирать налоги – куда более прибыльное дело, чем грабить караваны. Никакого риска, а прибыль налицо. Каждую неделю – по два каравана. Три тысячи пятьсот мешков соли каждый месяц, пять тысяч верблюдов с золотом, шесть тысяч верблюдов со слоновой костью. Тот, кто владеет этим городом, обладает несметным богатством.

Он опустил кончики пальцев в чашку с водой и вытер их батистовым платком.

– Вы подумали над моим предложением? Я еще раз предлагаю вам свое гостеприимство. Очень надеюсь, что оно не разочарует вас.

– Наш слуга должен возвратиться с минуты на минуту, – ответил Стерн. – Шейх Томан ибн Моханна извещен о нашем прибытии.

Измаил вежливо склонил голову, с большим трудом скрывая разочарование. Но не мог же он насильно заставить чужеземцев воспользоваться его гостеприимством. Ничего, время у него есть, а терпения еще больше. Он был уверен, что их дороги обязательно пересекутся.

– Мой дом всегда открыт для вас, – произнес он невозмутимо. Спокойствия ему было не занимать. – На всякий случай – для вашей безопасности – я оставлю с вами одного вооруженного слугу.

Измаил поднялся и поклонился на восточный манер, со скрещенными на груди руками. Снова на его лице играла эта смутная улыбка, что-то среднее между одухотворенностью и греховностью.

Солнце зашло, однако жара не спадала. На северо-востоке начали собираться тучи. Площадь перед городскими воротами постепенно пустела. Одна за другой группы людей исчезали за их массивными створками. Алманзор все еще не вернулся. Он отсутствовал уже больше трех часов.

Каролина поджала под себя затекшие от долгого сидения ноги. Она уже начала задаваться вопросом, разумно ли было отказываться от приглашения Измаила. Во время долгого путешествия в песках она так мечтала о горячей воде, мыле и свежем белье. Вновь стать прекрасной, благоухающей, привлекательной для мужчины!

Неужели она – та самая женщина, которая много месяцев назад отправилась из Абомей в Тимбукту, даже не задумываясь о том, сколько тысяч километров пустыни лежит перед ней, сколько опасностей ожидает ее в пути. Одна мысль поддерживала ее и вела вперед: надежда на встречу с мужчиной, который любит ее, ждет возвращения ее. Ее муж – Жиль, герцог де Беломер.

Она попробовала представить себе его лицо, глаза, губы, голос и испугалась: в памяти всплывал лишь неясный облик, смутный, расплывчатый. Но еще больше испугало ее то чувство горечи и обиды, которое пробудило в ней это воспоминание. С того момента у ворот Абомеи, когда она, исполненная надежды и предвкушения скорой встречи с любимым, ожидала, что сейчас появится он, долгожданный спаситель, а вместо этого перед ней возник Стерн, посланный ее супругом, у ее любви было два лица. Рассудок убеждал ее, что он не мог поступить иначе: если он хотел спасти ее, то должен был послать человека, которого Санти не знал. Но ее сердце не подчинялось голосу рассудка. Для ее сердца было важно лишь одно: он не поспешил ей на выручку! Он был так далеко!

Ах, что такое опаленная солнцем пустыня по сравнению с той, в которую превратилось ее сердце! Она пережила многое, но с тех пор не была уже прежней Каролиной. Она стала другой женщиной, этаким кочевницей, которая была счастлива там, где находила плечо, на которое можно опереться...

В толпе мелькнула красная феска. Громко ругаясь, Алманзор пробивал дорогу себе и своему коню. Он едва дышал, но это была не единственная причина его промедления. Юноша опустил голову, словно недобрая весть, которую он принес, была его личной виной.

– Шейха нет в городе. Его двор словно вымер.

– Нет в городе! – в один голос воскликнули Каролина и Рамон.

– Он сегодня покинул Тимбукту. Его слуги сказали, что сейчас шейх в военном лагере на юге, вместе со своими войсками. Тогда я поехал в лагерь, поэтому вам пришлось так долго меня ждать.

– А там ты встретил его?

Алманзор замотал головой, но теперь глаза его блестели.

– Шейх Томан со своими воинами отправился навстречу Калафу. Вы знаете, что Калаф уже несколько лет пытается завоевать Тимбукту. Пустыни ему уже недостаточно. Сегодня шейх Томан решил проучить его. В его резиденции мне сказали, что сегодня на рассвете между ними начался бой.

«Так вот что случилось сегодня утром, когда всадники Калафа исчезли в один миг, забыв о христианах», – подумала Каролина. Нападение шейха Томана, наверное, спасло им жизнь, но сейчас их положение было просто отчаянным. Вступить в город без позволения наместника Тимбукту было бы тягчайшим преступлением.

Стерн наклонился к Алманзору:

– Так кому же ты передал рекомендательное письмо?

Алманзор вынул конверт из складок бурнуса.

– Я передал бы его только самому шейху или его визирю. Никому другому я не доверяю. Там, в лагере, говорят, что шейх Томан обратил Калафа в бегство, а теперь преследует его.

Стерн забрал письмо обратно.

– Это значит, что шейх Томан еще долго не сможет вернуться в Тимбукту. Когда закрываются городские ворота?

– Через полчаса. Вы решили рискнуть?

Стерн взглянул на ворота, где еще толпились люди. Стражи в ярко-красных тюрбанах, опоясанные широкими поясами с серебряными патронами, стояли у ворот, внимательно рассматривая каждого входящего.

– Мы поедem в город, – сказал Рамон. – Может пройти несколько дней, пока шейх Томан вернется в Тимбукту. Не можем же мы оставаться здесь, под открытым небом. С нами слуга Измаила, может быть, это поможет нам пройти мимо стражи.

– Вы никого не знаете в городе, чьим гостеприимством можно было бы воспользоваться? – спросил Алманзор.

– Аба эль Маан обязательно примет нас, – ответил Стерн.

– Аба эль Маан! – Алманзор восхищенно вскинул руки. – Вы знаете Абу эль Маана, величайшего из всех толкователей Корана? О, если бы мой господин слышал это!

И снова Рамон знаком приказал ему замолчать:

– Приведи наших коней!

Каролина не сводила глаз с Рамона Стерна. Все происшедшее с момента возвращения Алманзора, его разговор со Стерном она поняла едва ли наполовину и восприняла как-то отстраненно. Тем реальней казался ей Рамон, его сильная фигура, мужественное лицо, спокойный голос, ощущение уверенности, которое исходило от него. Она все ждала, когда же он снова станет для нее чужим и далеким, каким был до сих пор. Когда он вновь обратится в молчаливую тень, сопровождающую ее в путешествии по пустыне – без лица, без имени, без пола. Просто посланец ее супруга...

Рамон в свою очередь внимательно взглянул на нее. Почему она так притихла? Или новость настолько испугала ее?

Внезапно он ощутил ее тонкую ладонь в своей руке.

– Мы поскачем в город. Мы сделаем то, что вы считаете правильным. – Нет, не в этих словах, а в звучании ее голоса было полное, абсолютное доверие, что невероятно тронуло его.

В это мгновение над крышами города раздались высокие, протяжные крики муэдзина. Люди расстелили на земле свои моленные коврики. Повернувшись лицом к востоку, они преклонили колени. Пока они молились, небо окончательно потемнело. Ночь с каждой секундой становилась все ближе. Порыв ветра пролетел над площадью. Несколько тяжелых капель ударились в песок.

– Дождь! – закричал кто-то. – Дождь!

Люди, стоящие на коленях, воздели в умоляющем жесте руки к небу. Но облака уже мчались мимо. Ветер донес до земли еще несколько капель влаги и погнал облака вперед, не дав им разразиться спасительным ливнем.

Алманзор закончил свою молитву и поднялся.

– Сорок дней ждали они дождя, – сказал он. – Весенний урожай пропал. Цистерны пусты. В городе ни о чем, кроме дождя, не говорят.

Каролина рассеянно кивнула. Скоро закроются городские ворота. Им надо торопиться.

5

Тьма и жара властвовали над Тимбукту. Вечер не принес ни прохлады, ни облегчения. Покрывало, которым Каролина снова прикрыла лицо, стало влажным от пота, который стекал по ее лбу и щекам. Толпа, с которой они вошли в ворота, мало-помалу рассеивалась. Все происходило без малейшего шума, в такой призрачной тишине, что у Каролины возникло гнетущее чувство, будто это ворота не города Тимбукту, а преисподней.

Серые дома окаймляли узкую улицу. Немые, равнодушные, с плоскими крышами, без окон и света стояли они там, сливаясь с каменной чернотой ночи.

Каролина вздрогнула, услышав подле себя голос Алманзора.

– Видите там, в конце улицы, мечеть? – спросил он. – Дом Абы эль Маана как раз за ней.

Из тихой узкой улочки они выехали на оживленную площадь и внезапно очутились в тесном кольце людей. Плотно прижатые друг к другу тела обтекали их, как полноводная река. Над головами плыли маленькие фонарики. Каролину вдруг охватил страх, животный страх, которого она никогда не испытывала в широкой и свободной пустыне. Начало процессии уже достигло мечети. В неверном свете фонариков Каролина видела, как люди поднимаются по ее ступеням. Когда они достигли дверей, послышались монотонное бормотание, повторяющиеся слова молитвы.

Алманзор направил своего мула в темный переулок, ведущий к дому Абы эль Маана. Вдруг за их спинами раздался крик:

– Христиане! Христиане в городе!

Из-за аркады, окружавшей внутренний дворик, показался высокий негр в светло-голубом одеянии.

– Мир вам, – сказал Стерн. – Мы друзья Абы эль Маана.

– Мир его друзьям, – негр наклонил голову.

Они пошли вдоль аркады, миновали сводчатую дверь. Теплый покой жилого дома охватил их. Они поднялись по лестнице и вышли в садик на крыше. Цветущие розовые кусты распространяли вокруг сладкий аромат. Из белой мраморной чаши била струя воды. Негр отвел в сторону тяжелый занавес, и за ним открылась полутемная комната. Обилие книг в этом помещении поразило вошедших. За кафедрой стоял седовласый араб в шерстяной геббе.

– Господин, они назвали вас своими друзьями, – сказал негр и поднял лампу так, что лица Каролины и Рамона оказались ярко освещены.

Аба эль Маан взгляделся в них. Возглас удивления вырвался у него. Он медленно приблизился к Стерну. Не сводя с него глаз, он провел по воздуху рукой, словно желая прогнать призрак.

– Простите, – произнес наконец он голосом, еще дрожащим от изумления. – Но уже два месяца я посылаю слуг к каждому прибывающему каравану, и они всегда возвращаются одни. А в последний раз они принесли печальную весть о вашей гибели.

Дом внезапно ожил. Захлопали двери, из внутреннего двора донеслись чьи-то крики. Теперь можно было различить отдельные возгласы. Чей-то пронзительный голос перекрыл все остальные:

– Христиане! Они, должно быть, здесь!

Стерн с улыбкой взглянул на Абу эль Маана:

– Это действительно чудо, что мы еще живы. Сегодня утром люди Калафа требовали от караванщиков нашей выдачи.

Аба эль Маан сдвинул брови, и его лицо сразу приняло сосредоточенное выражение. Похоже, он почувствовал облегчение от того, что теперь имеет дело с абсолютно реальными вещами. Пусть даже опасными.

– Спустись скорей! – приказал он негру.

Потом попросил Каролину и Стерна сесть. Он внимательно смотрел, как Каролина усаживается на пятки. В его глазах мелькнула улыбка.

– Должен сказать, вы владеете обычаями этой страны лучше, чем я вашим языком. Однако все же попытаюсь.

– Вы говорите по-французски! – вскрикнула Каролина.

Возможность слышать родной язык казалась ей сейчас предпочтительней любых благ.

Бесшумно вошла черная рабыня. Она придвинула к дивану низенький круглый серебряный столик, поставила на него маленькие блюдца со сладостями: абрикосовым вареньем, засахаренными сливами, вареньем из лепестков роз, фисташками, печеньем, залитым теплым соусом из меда и кунжутного масла. Комната наполнилась сладкими ароматами. На столе рядом с Абой эль Мааном стоял кувшин с красной жидкостью, другой – с желтоватой, а рядом с ними – шесть бокалов. Аба эль Маан наполнил бокалы вином.

– Вы, наверное, удивляетесь, почему я нарушаю законы Корана. Однако в Триполи христиане часто посещали мой дом. С тех пор как я живу в Тимбукту, все стало по-другому. – Он не сказал всего, о чем думал.

А правда состояла в том, что до сих пор ни один христианин не бывал в Тимбукту. И если он разрешает этим двум людям зайти в его дом, это означает нечто иное, чем значило бы в Триполи. Пуская их, он подвергает опасности себя и свою семью. Он не сию секунду осознал эту опасность, и не это заставило его задуматься – он лишь попытался прояснить ситуацию.

Стерн внимательно наблюдал за Абой эль Мааном и угадал его мысли.

– Спасибо вам за заботы о нашей безопасности. Но мы не предполагаем задерживаться здесь надолго.

Аба эль Маан протянул им бокалы:

– Если бы Аллах желал вашей гибели, вы никогда не добрались бы до Тимбукту и не сидели бы сейчас передо мной.

– Кто принес вам весть о моей смерти? – спросил Стерн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.